

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

**АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ
ВАЛЕНТИН МЗАРЕУЛОВ**

**СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА
1920 — 1945 ГОДЫ**

ИСТОРИЯ, СТРУКТУРА И КАДРЫ

Иллюстрированная хроника тайной войны

Александр Колпакиди

**Советская внешняя
разведка. 1920–1945 годы.
История, структура и кадры**

«Алисторус»

2021

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Колпакиди А. И.

Советская внешняя разведка. 1920–1945 годы. История, структура и кадры / А. И. Колпакиди — «Алисторус», 2021 — (Иллюстрированная хроника тайной войны)

ISBN 978-5-00180-061-3

Когда в декабре 1920 года в структуре ВЧК был создано подразделение внешней разведки ИНО (Иностранный отдел), то организовывать разведывательную работу пришлось «с нуля». Несмотря на это к началу Второй мировой войны советская внешняя разведка была одной из мощнейших в мире и могла на равных конкурировать с признанными лидерами того времени — британской и германской. Впервые подробно и достоверно рассказано о большинстве операций советской внешней разведки с момента ее создания до начала «холодной войны». Биографии руководителей, кадровых сотрудников и ценных агентов. Структура центрального аппарата и резидентур за рубежом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00180-061-3

© Колпакиди А. И., 2021
© Алисторус, 2021

Содержание

Вступление	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Структура центрального аппарата разведки	21
Фундамент будущих побед	30
Герои «Красной капеллы»	31
Наш человек в гестапо	34
Франция	39
Ближний Восток	43
Китай	48
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Колпакиди, Валентин Мзареулов

Советская внешняя разведка. 1920– 1945 годы. История, структура и кадры

*Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы
сделаем это, либо нас сомнут.*

Иосиф Сталин

Вступление

20 декабря 2020 года исполняется 100 лет российской внешнеполитической разведке. Интересно, что в отличие от подавляющего большинства российских «казенных» ведомств она сохраняет старую, советскую дату своего создания. Хотя могла бы вполне вернуться к одному из дореволюционных «дней рождения». Например, июль 1826 года, когда после восстания декабристов и восшествия на престол императора Николая I было создано Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Руководить этим ведомством назначили Александра Бенкендорфа. Среди решаемых Третьим отделением задач была и организация политической разведки за границей.

Так, уже в 1826 году Бенкендорф направил в Турцию армянского купца с целью создания агентурной сети в этой стране. В тридцатые годы XIX века начался процесс создания агентурных сетей в Западной Европе¹. В результате в начале семидесятых годов того же века их число превысило 20 (Париж, Вена, Лондон, Ницца, Женева, Бухарест, Потсдам, Мюнхен, Стамбул, Палермо, Львов, Турин и др.)².

Формально с 1826 года по 1844 год внешней разведкой Российской империи руководил глава Третьего отделения Бенкендорф. Разумеется, из-за большого объема других дел ключевую роль в разработке и проведении большинства разведопераций играл не он, а один из его подчиненных – Адам Сагтынский.

С 1869 года по 1874 год внешней разведкой руководил Константин Филиппеус³. Последний утверждал, что именно он привлек к работе на Третье отделение множество талантливых разведчиков, в то время как при вступлении в должность обнаружил в штатах агентов весьма сомнительных:

«Один убогий писака, которою обязанность заключалась в ежедневном сообщении городских происшествий и сплетен. Первые он зауряд выписывал из газет, а последние сам выдумывал... Кроме того, ко мне явились: один граф, идиот и безграмотный, один сапожник с Выборгской стороны – писать он не умел вовсе, а что говорил, того никто не понимал... двое пьяниц, одна замуженная женщина, не столько агентша сама по себе, сколько любовница и сотрудница

¹ Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. – М., 2009., – С. 137.

² Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. – М., 2006., – С. 337.

³ Филиппеус Константин Федорович (1838–1898), из дворян, учился в Горыгорецком земледельческом институте, в 1854 г. окончил Петербургский университет, чиновник Министерства иностранных дел, преподавал немецкий язык в Гельсингфорсе, в 1863 г. участвовал в усмирении восстания в Польше, в апреле 1869 г. поступил в III отделение, руководил 3-й экспедицией (политический сыск), в июне 1874 г. вышел в отставку.

одного из агентов, одна вдовствующая, хронически беременная полковница из Кронштадта и только два действительно юрких агента...»⁴.

Непосредственно организацией политической разведки занималась 3-я экспедиция Третьего отделения⁵. Отметим, что одновременно она отвечала за политический сыск не только на просторах Российской империи, но и за ее пределами. Речь идет о наблюдении за живущими в Европе политэмигрантами и при необходимости проведения против них активных мероприятий (например, насильственный вывоз на родину).

С 1832 года начинаются многочисленные командировки чиновников 3-ей экспедиции в Европу с целью изучения обстановки, приобретения агентов и организации системы наблюдения в столицах ведущих европейских держав того времени. В результате наиболее крупные резидентуры у Третьего Отделения были созданы в Австро-Венгрии, Германии, Великобритании и Франции⁶.

После того, как летом 1880 года Третье отделение было ликвидировано, органы политической разведки были переподчинены Департаменту полиции. В силу множества причин Заграничная агентура Департамента полиции стала основное внимание уделять проживающим за границей российским революционерам, а не сбору информации политического характера.

При этом резидентуры Департамента полиции функционировали во многих странах, начиная от Лондона до Бухареста, так же они были в США, Турции, Китае, Персии и других странах. Это свидетельствует о том, что Департамент полиции, пусть даже в минимальной степени, но занимался вопросами политической разведки.

В качестве примера укажем на разведсеть, созданную секретным сотрудником Балканской агентуры Департамента полиции Александром Вейсманом. Она охватывала территории: Румынии, Болгарии, Сербии, Черногории, болгарские провинции Австро-Венгрии и Османской империи⁷. Хотя отдельные историки называют его «редкостным авантюристом и проходимцем»⁸. Другие утверждают, что «нарушения финансовой отчетности, организация фиктивного покушения на жизнь болгарского князя Фердинанда (из карьерных соображений) стоили ему должности»⁹.

Вот и ответ на вопрос, почему в качестве даты создания современной российской внешней разведки был выбран 1920 год, а не 1826 год или 1880 год. Третье отделение и Департамент полиции ассоциируются с политическим сыском, а не внешнеполитической разведкой. Парадокс ситуации в том, что когда пришедшим к власти большевикам потребовалось обеспечить защиту жизненных интересов Советской России, успешно осуществлять внешнеполитический курс, следовало иметь исчерпывающую, достоверную и своевременно поступающую информацию о противнике, о внутренней и внешней политике сопредельных государств, державах «Антанты», их секретных военно-политических планах, решать эти задачи поручили военным и чекистам.

Подразделения разведки Советского государства создавались в Красной Армии и во Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Закордонная разведка создавалась как неотъемлемая часть чекистских органов. Попытки вести разведку за границами Советской России предпринимались ВЧК сразу же после ее создания. Инициатором их был Председатель ВЧК Феликс Дзержинский.

⁴ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII и XIX веков и Вольная печать. – М., 1984., – С. 256.

⁵ Троцкий И. Третье отделение при Николае I. – Ленинград, 1990, – С. 21.

⁶ Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. – М., 2006., – С. 331.

⁷ Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. – М., 2006., – С. 320–321.

⁸ Каширин В. Опасные связи капитана Прудкина. // Родина. 2009 год. № 8.

⁹ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). – М., 2000., – С. 145.

До создания самостоятельной разведывательной службы ВЧК – ОГПУ различные подразделения военных и чекистских органов самостоятельно решали контрразведывательные и разведывательные задачи, формулируя их в зависимости от складывающейся ситуации.

Главная задача, стоявшая перед этими органами, заключалась в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией. При этом чрезвычайные комиссии, в частности, на Дальнем Востоке, давали задания своим сотрудникам и агентуре по проникновению в контрреволюционные организации, в том числе за кордоном.

В годы Гражданской войны возникла необходимость засылки агентуры в сопредельные страны для выяснения планов Антанты и белогвардейцев в отношении России. Пионером в этом деле был Феликс Дзержинский.

В целях усиления разведывательной работы за рубежом весной 1920 года в Особом отделе ВЧК создается Иностранный отдел, а при особых отделах фронтов, армий и ЧК некоторых губерний – иностранные отделения. Они приступили к созданию первых резидентур в некоторых иностранных государствах.

В соответствии с инструкцией ВЧК для ИНО Особого отдела, при каждой дипломатической и торговой миссии РСФСР создавалась резидентура. Резидент работал под «легальным» прикрытием в миссии и его как разведчика знал лишь глава учреждения. В помощь резиденту выделялся один или два оперработника. Такие резидентуры позднее получили название «легальных». Резиденту предписывалось «не реже одного раза в неделю» отсылать в Центр сведения в шифрованном виде.

Эта же инструкция предусматривала также создание «нелегальных» резидентур в тех странах, с которыми мы не имели дипломатических отношений. По мере необходимости нелегальные резидентуры создавались и там, где имелись «легальные». В таких случаях для большей конспирации агент нелегальной резидентуры не поддерживал контактов с «легальной» резидентурой ВЧК а имел связь непосредственно с Особым отделом.

Таким образом, внешняя политическая разведка зародилась в недрах Особого отдела ВЧК и оформилась как специальное подразделение уже к лету 1920 года. Тогда откуда появилась дата 20 декабря 1920 года?

Глава 1

«Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского...».

И. В. Сталин.

«На смерть Ф. Дзержинского». 22 июля 1926 г.

В сентябре 1920 года было принято решение Политбюро о реорганизации закордонной разведки. Была создана специальная комиссия под председательством Феликса Дзержинского. 20 декабря 1920 года он подписал приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК (ИНО). Эту дату принято считать датой рождения внешней разведки. Она выводилась из состава Особого отдела ВЧК и становилась самостоятельным подразделением.

Летом 1920 года председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский направил записку начальнику штаба Западного фронта Н.Н. Шварцу, где указал:

«Считаю состояние политической разведки не на высоте. Постоянной связи с партийными организациями нет. Все осведомление, кроме нерегулярных частных и партийных сведений, черпается из газетных материалов. Польревком считает необходимым создание при нем политической разведки, для чего нужно откомандировать соответственных партийных специалистов»¹⁰.

Эта записка вызывает вопросы, ведь еще весной 1920 года в структуре Особого отдела ВЧК появилось новое подразделение – Иностраный отдел (отделение), да и при Особых отделах фронтов, армий и ЧК некоторых губерний были сформированы Иностранные отделения. Они сразу же приступили к созданию первых резидентур, в том числе в некоторых иностранных государствах.

В соответствии с инструкцией ВЧК для ИНО Особого отдела, при каждой дипломатической и торговой миссии РСФСР создавалась резидентура. Резидент работал под «легальным» прикрытием в миссии, и его как разведчика знал лишь глава учреждения. В помощь резиденту выделялся один или два оперработника. Такие резидентуры позднее получили название «легальных». Резиденту предписывалось «не реже одного раза в неделю» отсылать в Центр сведения в шифрованном виде.

Эта же инструкция предусматривала также создание «нелегальных» резидентур в тех странах, с которыми мы не имели дипломатических отношений. По мере необходимости нелегальные резидентуры создавались и там, где имелись «легальные». В таких случаях для большей конспирации агент нелегальной резидентуры не поддерживал контактов с «легальной» резидентурой ВЧК, а имел связь непосредственно с Особым отделом¹¹. Так гласит официальная версия рождения советской внешней разведки.

В реальной жизни все было несколько иначе. Внешняя разведка действительно была рождена в недрах военной контрразведки в конце Гражданской войны, но эффективно она начала работать лишь после того, как ее выделили в отдельное подразделение в системе органов госбезопасности. Назовем две основные причины.

Во-первых, большинство кадровых сотрудников и агентов Особых отделов за годы Гражданской войны привыкли действовать только на оккупированной иностранными армиями или противниками Советской власти («белыми» или «зелеными» – (различные атаманы и лидеры крупных военизированных формирований) территории по законам военного времени. Да и

¹⁰ Записка Шварцу о состоянии политической разведки. Июль–август 1920 года. // Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. М., 2006. С.201.

¹¹ Зарождение внешней разведки России. // <http://svr.gov.ru/history/stage01.htm>.

общеобразовательный и профессиональный уровень большинства из них был невысоким. Ведь основным критерием при отборе кадров для ЧК была лояльность к власти. Ценилось правильное («рабоче-крестьянское») социальное происхождение и членство в РКП(б)¹². Поэтому их, мягко говоря, было сложно использовать для работы в мирное время в нейтральных странах. Говоря другими словами, лишь после того, как органы внешней разведки (речь идет о низовом аппарате, а не руководителях) были укомплектованы новыми людьми, началась их эффективная работа.

Во-вторых, все попытки руководства ВЧК «обязать» Особые отделы заниматься вопросами агентурной разведки и внешней контрразведки (внедрение агентуры в разведывательные органы противника) закончились неудачей.

Начнем с того, что согласно «Положению об Особых отделах при Всероссийской чрезвычайной комиссии»¹³ от 3 февраля 1919 года и «Положению об Особых отделах ВЧК»¹⁴ от 8 февраля 1919 года от военной контрразведки не требовалось заниматься вопросами разведки и внешней контрразведки. По крайней мере, ничего не говорилось об этом в указанных документах. А если не надо, то кто этим будет заниматься?

Теоретически руководством агентурой за границей и на оккупированных иностранными державами и белогвардейцами территориях и внешней контрразведкой должны были заниматься сотрудники активного отделения Особого отдела. Они же занимались всей оперативно-розыскной работой: выявлением лиц, проводящих антиправительственную агитацию, нелегальных групп различной направленности; розыск агентуры противника, а также получение сведений о моральном состоянии личного состава частей и учреждений Красной Армии.

Вопросами внешней разведки Особый отдел начал заниматься только в начале 1920 года, когда появилось соответствующее указание руководства ВЧК. В «Инструкции Особого отдела ВЧК особым отделам фронтов и армий» (январь 1920 года) среди прочих задач было указано: «организация закордонной агентуры по выявлению контрреволюционных организаций, засылаемых на территорию Советской России».

В структуре Особого отдела ВЧК в апреле 1920 года появилось Иностранное осведомительное бюро, которое затем было преобразовано в Иностранный отдел (начальник Людвиг Скуйскумбре), что подчеркивало его основную задачу – выявлять задачи иностранных и эмигрантских спецслужб и тем самым способствовать контрразведывательной работе¹⁵

¹² Иванов А.Л. Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага. М., 2009. С.170.

¹³ Положение об Особых отделах при Всероссийской чрезвычайной комиссии. 3 февраля 1919 года. // цит. по ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М. 2003.С. 330–331.

¹⁴ Положение об Особых отделах ВЧК. 8 февраля 1919 года. // цит. По ЛУБЯНКА: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. С. 331–332.

¹⁵ Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С.160, 185–186, 193.

Ф.Э. Дзержинский

Накануне советско-польской войны заместитель начальника Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинский уточнил задачи в сфере внешней контрразведки:

«Отправить контрразведчиков за кордон, вменив им в обязанность изучить все пути, по которым поляки выводят свою агентуру в наш тыл; наиболее опытным контрразведчикам, переходившим уже фронт, поставить задачу проникнуть в неприятельскую разведку»¹⁶.

Какие были достигнуты результаты? В сентябре 1920 года было принято решение Политбюро о кардинальной реорганизации закордонной разведки. В нем, в частности, говорилось:

«Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ярко обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву и потерпели катастрофу. Учитывая сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую...»¹⁷

Для разработки мер по улучшению деятельности разведки была создана специальная комиссия, в которую вошли Иосиф Сталин, Феликс Дзержинский и ряд других лиц. На основании разработанных комиссией предложений Ф. Дзержинский 12 декабря 1920 г. отдал следующее распоряжение управляющему делами ВЧК:

«Прошу издать секретный приказ за моей подписью о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять агентов, или уполномоченных, или осведомителей

¹⁶ Царев О. Вест Лайджел КГБ в Англии. М., 1999. С.10.

¹⁷ Антонов В. Награды внешней разведки. М., 2005.

за границу без моего на то согласия. Составьте проект приказа об Иностранном отделе ВЧК (с ликвидацией Иностранного отдела Особого отдела ВЧК) и начальнике его и о том, что все агенты за границу от ВЧК могут посылаться только этим отделом»¹⁸.

20 декабря 1920 года Феликс Дзержинский подписал приказ ВЧК об организации Иностранного отдела ВЧК. Согласно ему:

«1. Иностраннный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностраннный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранному отделу ОО ВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностраннный отдел ВЧК подчинить начальнику Особотдела тов. Менжинскому.

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком, Бюро Коминтерна всем отделам производить только через Иностраннный отдел»¹⁹.

Отметим, что вместе с Особым и Оперативным отделами ИНО входил в состав Секретно-оперативного управления ВЧК²⁰.

На ИНО ВЧК было возложено выполнение следующих функций:

организация разведаппаратов (резидентур) за границей и руководство ими;

проведение агентурной работы среди иностранцев на территории нашей страны;

обеспечение паспортно-визового режима.

30 декабря 1920 года Феликс Дзержинский утвердил организационную структуру и штатное расписание ИНО.

Штатным расписанием предусматривалось иметь следующие кадры:

руководство отдела (начальник, два помощника начальника, особый уполномоченный для особо важных заданий, юрисконсульт, два сотрудника и один младший сотрудник для поручений);

канцелярия отдела (начальник канцелярии, его заместитель, два старших делопроизводителя, три младших, два переводчика и три машинистки);

агентурное отделение (начальник отделения, его заместитель, два уполномоченных, два сотрудника для поручений, один шифровальщик, одна машинистка);

иностранное отделение (уполномоченный, секретарь отделения, машинистка);

бюро виз в составе 11 человек²¹

Именно 20 декабря 1920 года принято считать официальной датой рождения советской, а теперь и российской внешней разведки.

¹⁸ Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С.8.

¹⁹ Приказ ВЧК об организации Иностранного отдела. 20 декабря 1920 года.// Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. М., 2006. С.227.

²⁰ Приказ АОУ ВЧК № 9 от 14 января 1921 года. // цит. по ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С.20.

²¹ Зарождение внешней разведки России. // <http://svr.gov.ru/history/stage01.htm>.

П Р И К А З

Всероссийской Чрезвычайной Комиссии

№ 169.

Москва. 20-го Декабря 1920 г.

§ 1.

1. Иностранный Отдел Особого Отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный Отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранному Отделу ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного Отдела ВЧК.

3. Иностранный Отдел ВЧК подчинить Начальнику Особотдела тов. **Меньжинскому**.

4. Врид. Начальником Иностранного Отдела ВЧК назначается тов. **Давыдов**, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного Отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с за-границей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем Отделам ВЧК. производить только через Иностранный Отдел.

Председатель ВЧК ДЗЕРЖИНСКИЙ

Приказ об организации ИНО ВЧК

Временно исполняющим обязанности начальника ИНО ВЧК был назначен старый большевик Яков Христофорович Давтян, до этого некоторое время возглавлявший иностранное отделение Особого отдела после Скуйскумбре. Одновременно Давтян работал в Наркомате иностранных дел заведующим отделом прибалтийских стран. В целях конспирации Давтян руководил Иностранным отделом под фамилией Давыдов²²

20 января 1921 года начальником Иностранного отдела был назначен другой старый большевик, член партии с 1903 года Рубен Павлович Катанян, до этого заведующий агитпропотделом ЦК РКП(б). Позднее Катанян работал в прокуратуре и осуществлял прокурорский надзор над органами ОГПУ. Но уже 10 апреля вместо Катаняна начальником ИНО вновь стал Давтян-Давыдов. Правда, он опять не задержался на этой должности, и 6 августа вместо Давтяна новым начальником ИНО ВЧК был назначен также старый большевик Соломон Григорьевич Могилевский. Давтян же был направлен в Наркоминдел.

Приказом Управления делами ВЧК № 277 от 2 декабря 1921 года были введены новые штаты ИНО, а также утверждена расстановка личного состава отдела:

начальник отдела – Соломон Григорьевич Могилевский;

заместитель начальника – Иван Андреевич Апетер;

помощники начальника – Роман Александрович Пилляр (барон фон Пильхау, двоюродный племянник Дзержинского) и Меер Абрамович Трилиссер.

Закордонная часть ИНО:

начальник – Меер Абрамович Трилиссер;

заместитель начальника – Георгий Евгеньевич Прокофьев.

Осведомительная часть ИНО:

²² Колпакиди А. К., Прохоров Д. П. Внешняя разведка России. СПб.; М., 2001. Сп.

начальник – Лев Борисович Залин (Левин);
заместитель начальника – Василий Федорович Высоцкий.

Бюро виз:
начальник – Николай Федорович Угаров²³

В закордонной части ИНО было шесть отделений, которые руководили резидентурами: северное отделение – резидентура в Стокгольме и ее филиалы в Копенгагене, Гельсингфорсе (Хельсинки), Ревеле, Риге и Либаве;

польское отделение – резидентура в Варшаве и ее филиал в Данциге, работавшие также на территории Восточной Пруссии, Галиции и Прикарпатской Украины;

центральноевропейское отделение – резидентура в Берлине и руководимые ею филиалы в Париже, Риме и Брюсселе, а также резидентура в Лондоне, которая отвечала и за работу в США;

южноевропейское и балканское отделение – резидентура в Вене с филиалами в Праге, Будапеште, Белграде, Софии, Бухаресте и резидентура в Константинополе, отвечавшая за работу в Египте и Алжире;

восточное отделение – работа на территории Турции и Персии через полномочные представительства на Северном Кавказе и в Закавказье, а с территории Дальневосточной республики – против Китая, Японии и частично США;

американское отделение – резидентуры в Нью-Йорке и Монреале²⁴

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК ВЧК была упразднена, а на ее месте создано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. А после образования СССР постановлением Президиума ЦИК от 2 ноября 1923 года ГПУ было реорганизовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Что касается ИНО, то он вошел в состав созданного в ОГПУ Секретно-оперативного управления.

В «Положении о закордонной части ИНО СОУ ГПУ» в части о его зарубежной работе говорилось:

«Закордонная часть ИНО ГПУ является организационным центром, сосредотачивающим все руководство и управление зарубежной работой разведывательного характера, проводимой ГПУ».

«Для выполнения всех вышеизложенных задач за границей в определенных пунктах по схеме, вырабатываемой Закордонной частью ИНО ГПУ, имеют местопребывание уполномоченные, именующиеся резидентами»²⁵.

13 марта 1922 года Иностранный отдел возглавил *Меер Абрамович Трилиссер*, а прежний руководитель *Соломон Могилевский* был откомандирован руководить Закавказской ЧК. Здесь надо отметить, что если *Давтян* и *Могилевский* недолго проработали в разведке, то *Трилиссера* по праву можно считать ее фактическим основателем.

Именно при нем выкристаллизовались основные направления, формы и методы работы советских разведчиков за рубежом. Принятое при *Трилиссере* Положение об ИНО так определяло задачи внешней разведки:

выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против СССР;

²³ Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С.10.

²⁴ Царев О. Вест Н. КГБ в Англии. М., 1999. С.17.

²⁵ Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. С.9.

установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;

освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении СССР, получение сведений об их экономическом положении;

добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;

контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

Для решения этих задач Трилиссер привел с собой в ИНО большую группу своих соратников по подпольной борьбе в царское время и в период Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Двое из них: *Сергей Георгиевич Вележев* (с которым Трилиссер сблизился в 1917–1918 годах в Сибири) и *Алексей Васильевич Логинов* (настоящая фамилия – Бустрем, соратник Трилиссера по дореволюционному подполью) – стали его заместителями. Остальные: Альфред Нейман и Евгений Фортунатов (тоже дореволюционные соратники Трилиссера) и работавшие под руководством Трилиссера на Дальнем Востоке во время Гражданской войны Яков Минскер, Яков Бодеско, Арпад Мюллер и другие – стали ответственными работниками отдела.

Первоначально помощниками Трилиссера в руководстве ИНО являлись *Георгий Евгеньевич Прокофьев* и Владимир Сергеевич Селезнев. Закордонное отделение ИНО возглавлял сам Трилиссер, бюро виз – по-прежнему Николай Угаров. Позднее помощниками Трилиссера в разное время были *Иван Васильевич Запорожец*, *Михаил Савельевич Горб*, Алексей Васильевич Логинов (Бустрем) и Сергей Георгиевич Вележев. А отделение иностранной регистрации возглавлял И.А. Бабкин.

В декабре 1922 года ИНО СОУ ОГПУ имел такую структуру:

Закордонное отделение;

Бюро виз²⁶

²⁶ Приказ по АОУ ГПУ № 14/228 от 5 декабря 1922 года. // цит по ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ.

Сотрудники ИНО ОГПУ

При Трилиссере Иностранный отдел был значительно расширен и укреплен кадрами. Центральный аппарат в период его руководства отделом достигал 70 человек. А к моменту ухода Трилиссера из ИНО (1929 год) общий штат ИНО достиг 122 человек, из них 62 человека – сотрудники резидентур за рубежом. Кроме того, для решения вышеперечисленных задач была несколько изменена структура ИНО²⁷.

В июне 1922 года в составе Секретно-оперативного управления ГПУ на базе 14-го специального отделения Особого отдела ГПУ был организован Восточный отдел. На него были возложены задачи:

«...объединение всей работы органов ГПУ на Кавказе, в Туркестане, Хиве, Бухаре, Киргизии, Татарии, Башкирии и Крыму в части, касающейся специфической восточной контрреволюции и восточного шпионажа»;

разработка всего материала, «получаемого закордонной частью ИНО ОГПУ из Константинополя, Ангорской Турции, Персии, Афганистана, Кашгарии²⁸ Илийского края²⁹, Джунгарии³⁰, Индии, Тибета, Монголии, Китая, Кореи и Японии и дает ИНО ОГПУ соответствующие оперативные задания, которые для него являются обязательными».

Начальником Восточного отдела был назначен *Я.Х. Петерс*, его заместителем – В.А. Стырне.

Первоначально в структуру этого отдела входили:

1-е отделение «ведет разработку закордонного материала и борьбу с восточным шпионажем»;

2-е отделение «объединяет всю работу в автономных республиках Средней Азии, Киргизии, Татарии, Башкирии, Калмыкии, Туркестана, Хивы и Бухары»;

²⁷ Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. С. 12–13.

²⁸ Город в северо-западном районе Китая. – Прим. авт.

²⁹ Пограничная с Советской Россией область Китая. – Прим. авт.

³⁰ Пустыня на северо-западе Китая. – Прим. авт.

3-е отделение «объединяет всю работу в Кавказских автономных республиках (Горреспублика, Дагестан, Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия)»³¹.

К декабрю 1922 года нумерация отделений изменилась и приняла следующий вид:

1-е отделение – Ближний Восток – Кавказ (начальник В.А. Стырне);

2-е отделение – Средний Восток – Средняя Азия (начальник Ф.И. Эйхманс);

3-е отделение – Дальний Восток (начальник М.М. Казас)³².

В середине двадцатых годов прошлого века ИНО имел такую структуру:

закордонное отделение;

канцелярия закордонного отделения;

бюро виз;

стол выездов;

стол въездов;

стол въездов и выездов эшелонами;

стол приема заявлений;

общая канцелярия.

Сотрудники Восточного отдела

В закордонном отделении первоначально было шесть географических секторов, которые должны были заниматься агентурной работой за рубежом. Позднее сектора стали называться отделениями, а их число увеличивалось по мере появления новых зарубежных резидентур. Работникам зарубежных резидентур была предоставлена большая свобода в вербовке аген-

³¹ Приказ ГПУ № 98/СС Об организации Восточного отдела ГПУ 2 июня 1922 года. // цит. по ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М. 2003. С. 431–432

³² Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. С.25.

туры, а резиденты имели право без согласования с Москвой утверждать новоприобретенных агентов³³.

³³ Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. С.13.

Глава 2

«Агентов иметь не замухрышек, а друзей – высший класс разведки».

И.В. Сталин о разведке. 1952 г.

Вторая половина двадцатых годов – первая половина тридцатых годов прошлого века – это не только время свертывания НЭПа, начало коллективизации и индустриализации, но и период, когда Советский Союз находился на грани войны со странами Большой и Малой Антанты.

Ситуация усугублялась тем, что внутри страны существовала «пятая колонна», которая в случае начала войны могла вступить в вооруженное противостояние с существующей властью. Кто угрожал Иосифу Сталину? – спросите вы. Крестьяне, которые были недовольны экономической политикой властей и были готовы жить под властью оккупантов, если последние сохранят элементы рыночной экономики в деревне. Часть коммунистов, которые после «раскола» в правящей партии стали на сторону Льва Троцкого и выступали против Иосифа Сталина. Многочисленные «бывшие» – те, кто потерял все после установления советской власти. Добавьте к этому активизацию деятельности многочисленных белогвардейских белоэмигрантских организаций, которые решили использовать в своих целях внутривнутриполитическую ситуацию в СССР и неблагоприятную для Сталина международную ситуацию.

В январе 1926 года из Лондона от легальной резидентуры советской внешней разведки поступило сообщение, которое было доложено руководству страны. Возможно, что текст этого документа был подготовлен в Министерстве иностранных дел Германии и разослан послам в европейских странах, чтобы дипломаты понимали происходящие события и для них они не были неожиданными. Прочитируем несколько абзацев этого очень любопытного документа:

«Из Форин-Офис поступает ряд сообщений, касающихся отношений Англии и России, из которых можно сделать вывод о том, что со стороны Англии предприняты шаги или ею поддерживаются такие шаги, которые должны стать для Сов. правительства катастрофой...»

Далее сообщалось, что в декабре 1925 года всем дипломатам в европейских странах предписывалось собрать максимум информации о том, «какие русские эмигранты по политическим группировкам находятся в данной стране, какие существуют русские организации, какие цели они преследуют, откуда они получают финансовую поддержку... Подобные вопросы получила и британская разведка для разработки. Этой разведкой затем начаты доверительные переговоры с русскими, являющимися лидерами эмигрантов, частью во Франции, но также и в Константинополе и Праге, с целью выявить приверженцев отдельных вождей русских организаций и возможность их использования».

Эмигрантов предполагалось привлечь к операции по свержению советской власти в СССР или, по крайней мере, захвату власти на части территории Советского Союза (Сибирь и Дальний Восток).

Далее в документе сообщалось, что финансово-промышленная элита Великобритании и правительство этой страны договорились о том, что предприниматели будут не только бойкотировать бизнес с большевиками, но и «усилить хозяйственные затруднения в России».

«Переговоры, которые агенты английской разведки вели с русскими монархистскими лидерами, по-видимому, намечают объединение различных группировок, и уже назначено для этой цели собрание для русских»³⁴.

³⁴ Спецсообщение ИНО ОГПУ о политике Англии и Китая с приложением записки Ф.Э. Дзержинского В.Л. Герсону о

Активизация белогвардейской эмиграции и политика Великобритании в отношении к Советской России подтвердили все сообщенные в документе факты. А Москва благодаря внешней разведке была своевременно осведомлена об этой угрозе.

В начале 1927 года Великобритания, опасаясь потерять свои позиции в Китае в результате развернувшейся в этой стране революции 1925–1927 годов, потребовала от СССР прекратить военную и политическую поддержку гоминьдановско-коммунистического правительства. Отказ СССР выполнить условия «ноты Чемберлена» сначала спровоцировал резкое ухудшение отношений между Москвой и Лондоном, а затем и вообще привел к разрыву экономических и дипломатических отношений.

Планы войны против СССР вынашивали многие страны, начиная от Польши и Румынии и кончая Францией. Прочитируем сообщение ИНО ОГПУ, датированное 29 января 1932 года:

«Французский Генштаб в настоящее время развивает лихорадочную деятельность. Все приготовления к мобилизации закончены, и все офицеры запаса получили новые назначения.

II отдел французского Генштаба³⁵ считает, что конференция по разоружению потерпит неудачу, в результате чего неминуемо вспыхнет война. Срок начала войны намечается на март текущего года и, во всяком случае, не позднее июля.

Поводом к началу военных действий, по мнению II отдела, могли бы послужить:

- 1) Оккупация Прирейнской области в случае революции в Германии;*
- 2) Выступление Италии против Югославии и создаваемый таким образом конфликт с Францией, в результате чего должно последовать выступление французских войск на юге Франции одновременно с выступлением на югославском фронте;*
- 3) Вооруженный конфликт между Польшей и Германией, за которым последует вмешательство Франции;*
- 4) Согласованный многими странами конфликт с СССР»³⁶.*

Если говорить применительно к войне с Советским Союзом, то в роли агрессора выступила бы не Германия (по мнению французских разведчиков, она бы заняла нейтральную позицию – у этой страны был свой букет внутривнутриполитических и экономических проблем), а союз западноевропейских стран во главе, например, с Францией или Великобританией.

С учетом послезнания об опыте Второй мировой войны, вскрывшей деградацию вооруженных сил западных континентальных держав, упоминание о военных амбициях Польши или Франции может вызвать снисходительную улыбку. Но если проанализировать все нюансы внешней политики стран Европы по отношению к Советскому Союзу в двадцатые-тридцатые годы прошлого века, то такой сценарий развития событий реален. Другое дело, что «демократические» европейские страны так и не смогли договориться между собой и создать единый фронт против Москвы. Результат всем известен, договорились «недемократические».

Советская внешняя разведка, своевременно, достоверно и подробно информируя о планах и намерениях руководителей европейских и азиатских стран, помогла Иосифу Сталину выбрать единственно правильный на тот момент внешнеполитический курс и избежать военного конфликта.

Система международных отношений, сложившаяся в двадцатые годы прошлого века на основе Версальского мира и деятельности Лиги Наций, предохраняла СССР, хотя и не слишком надежно, от военного столкновения с Западом. Укреплению безопасности СССР способствовал и выход из внешнеполитической изоляции посредством установления дипломатиче-

необходимости доложить И.В. Сталину, 24 января 1926 года. // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. М., 2003. С. 111–113.

³⁵ Военная разведка. – Прим. авт.

³⁶ Спецсообщение ИНО ОГПУ о деятельности II отдела французского Генштаба. 29 января 1932 года. // цит. по Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. С. 296–298.

ских и консульских отношений со всеми европейскими странами, в том числе с теми, где влиянием пользовалась русская белогвардейская эмиграция.

Промышленно-финансовые круги Запада были заинтересованы в освоении необъятного российского рынка и потому сквозь пальцы смотрели на подрывную деятельность Коминтерна, морально и материально поощрявшего деятельность экстремистских политических группировок во всем мире, на несущиеся из Москвы призывы к мировой пролетарской революции, международной солидарности трудящихся и т. п.

По мере восстановления в СССР разрушенной Первой мировой и Гражданской войнами экономики и, следовательно, оборонно-промышленного потенциала, Запад начал предпринимать усилия по укреплению обороноспособности граничащих с СССР государств. Фактически речь шла о создании «санитарного кордона» вокруг нашей страны. Правительства восточноевропейских государств не только не возражали против такой перспективы, но и всячески поддерживали ее. Ведь они мечтали принять активное участие в разделе территории Советского Союза, когда начнется война. Сейчас мы наблюдаем аналогичную картину. Если в годы «холодной войны» Советский Союз от стран – членов НАТО отделяла территория Восточной Европы, то сейчас только государственная граница.

Уже в середине двадцатых годов прошлого века против СССР начал формироваться военно-политический блок, вошедший в историю под именем «Малая Антанта» (Польша, государства Прибалтики, Румыния и Финляндия). При условии поддержки этого блока в случае пограничного или иного конфликта с Японией или «Большой Антантой» (Англией, Францией и США) СССР действительно попадал в чрезвычайную военно-политическую ситуацию, многократно осложненную возрастающей вероятностью возобновления при затяжной или неблагоприятной внешней войне внутренней гражданской войны.

Другое дело, что в силу множества причин члены двух Антант не только не смогли согласовать свои военные и политические планы в отношении Советского Союза, но и даже договориться внутри каждого из «блоков». Например, ближайшие соседи СССР – члены «Малой Антанты» не имели общего стратегического и оперативного плана (на уровне генеральных штабов) внезапного нападения и разгрома «первого в мире социалистического государства». А у Великобритании не было общей с СССР сухопутной границы, и она не договорилась ни с одной из соседок Советской России о пропуске своих войск. Это стало одной из причин того, что Великая Отечественная война не началась в 1932 году. Хотя для этого были все предпосылки. Ведь в Советском Союзе в конце 20-х годов имелось огромное количество озлобленных людей, которые поддержали бы западных агрессоров. Вот только сегодня об этом большинство историков предпочитают не вспоминать.

Появление на политической арене фашизма и приход в Германии к власти гитлеровской НСДАП несколько изменило внутренний расклад сил на Западе, но с точки зрения СССР в мире мало что изменилось. Как западная пропаганда обожала и обожает приравнивать коммунизм к нацизму, как сам Третий Рейх считал СССР такой же марионеткой в руках «еврейской закулисы» как и Англию и Францию, так и для Кремля не было принципиальной разницы между империализмом Антанты и империализмом нацистской Германии. Великобританию и Францию сложно было назвать нашими друзьями, что бы ни говорили современные «ученые». О событиях, произошедших на международной арене накануне Второй мировой войны, написано достаточно много (в качестве примера можно вспомнить Мюнхенский сговор, когда Лондон и Париж активно пытались спровоцировать войну между Москвой и Берлином³⁷), не являясь тайной и планы нападения Англии и Франции на СССР, намеченные на май 1940 года.

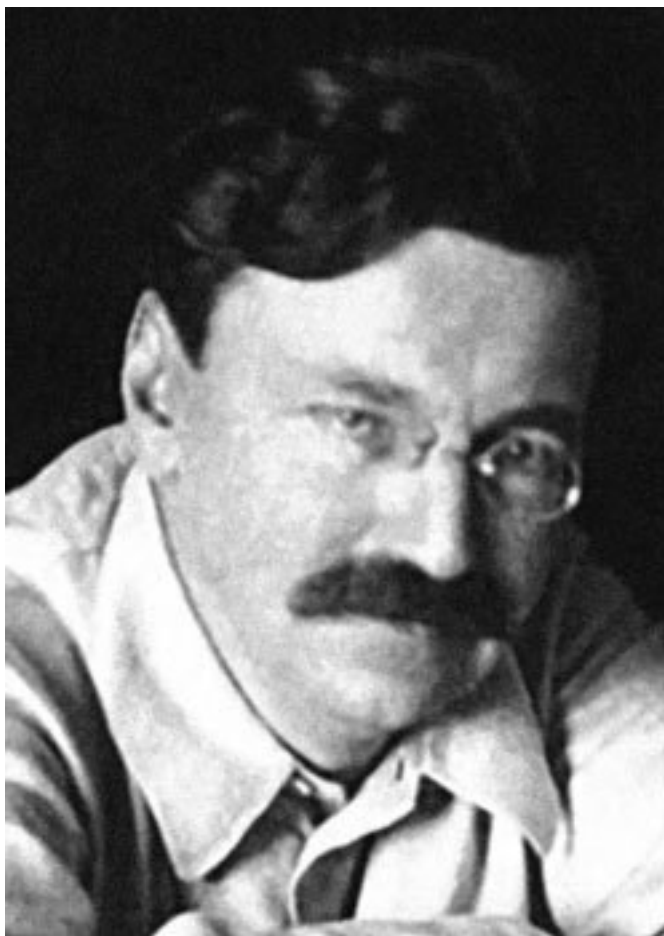
³⁷ Славутич В. Правда о Мюнхенском сговоре. Его последствия по-прежнему волнуют мировую общественность. // Дело-вой вторник. 2008 год. 18 ноября.

Структура центрального аппарата разведки

10 марта 1926 года приказом ОГПУ функции Восточного отдела были изменены. «Разработка государственного шпионажа» со стороны Турции, Персии, Афганистана и Монголии была передана в ведение КРО ОГПУ. А антисоветскими партиями Закавказья должен был теперь заниматься Секретный отдел ОГПУ (возможно, это решение было следствием внутриведомственной борьбы в ОГПУ).

31 октября 1929 г. Я.Х. Петерс был освобожден от обязанностей начальника Восточного отдела ОГПУ. Его чекистская карьера на этом завершилась. Руководство отделом он совмещал с работой в Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и теперь окончательно перешел туда. Отдел 6 ноября возглавил Т.М. Дьяков, помощником начальника был назначен Аркадий Дмитриевич Соболев (одновременно начальник 2-го отделения). 1-м и 3-м отделениями руководили Л.А. Приходько и А.А. Алмаев.

История Восточного отдела закончилась 10 сентября 1930 года, когда был организован Особый отдел ОГПУ, в состав которого вошли Особый, Контрразведывательный и Восточный отделы. 3-й отдел (именно так!) нового отдела должен был заниматься «национальной и восточной контрреволюцией», контршпионажем против восточных стран, наблюдением за посольствами, консульствами и национальными колониями восточных стран. Начальником этого подразделения стал Т.М. Дьяков, одновременно назначенный помощником начальника Особого отдела СОУ ОГПУ Яна Калликстовича Ольского³⁸.

³⁸ Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. С.18.

В.Р. Менжинский – председатель ОГПУ (1926–1934)

В декабре 1929 года центральный аппарат советской внешней разведки состоял из:
начальник (С.А. Мессинг);
помощник начальника (М.С. Горб и 2 должности вакантны);
закордонная часть (нач. части одновременно нач. ИНО);
отделение иностранной регистратуры (И.А. Бабкин)³⁹.

27 октября 1929 года Меера *Трилиссера* сняли со всех постов в ОГПУ за открытое выступление против Генриха Ягоды (с 27 октября 1929 года – первый зампред ОГПУ), которого он обвинил в сочувствии «правому уклону» в партии. В феврале 1930 года его назначили заместителем наркома РКИ РСФСР. А на посту начальника ИНО его сменил Станислав Адамович *Мессинг*, член Коллегии ОГПУ, бывший полпред ОГПУ в Ленинградском военном округе, назначенный одновременно вторым зампредом ОГПУ.

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о реорганизации внешней разведки. Перед ней ставится задача активизировать разведывательную работу по Англии, Франции, Германии, Польше, Румынии, Японии, странам Прибалтики и Финляндии.

³⁹ Приказ АОУ ОГПУ № 282 от 1 декабря 1929 года. // цит. по ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М. С.44.

Г.Г. Ягода – нарком внутренних дел СССР (1934–1936)

Основными задачами внешней разведки были следующие:

борьба с антисоветской эмиграцией и террористическими организациями в стране и за рубежом;

выявление интервенционистских планов враждебных стран;

борьба с иностранным шпионажем;

получение для нашей промышленности технических новинок, которые не могут быть добыты обычным путем (научно-техническая разведка);

контрразведывательное обеспечение совзагранучреждений.

В январе 1930 года был объявлен новый штат ИНО, включавший 94 сотрудника. Вместо прежних закордонной части и отделения иностранной регистратуры было создано 8 отделений. Таким образом, структура ИНО ОГПУ выглядела следующим образом:

начальник ИНО – Станислав Адамович Мессинг (он же 2-й заместитель Председателя ОГПУ);

заместитель начальника – Артур Христианович Артузов (по совместительству он оставался помощником нового начальника Секретно-оперативного управления Ефима Георгиевича Евдокимова);

два помощника начальника – Абрам Аронович Слуцкий (по совместительству помощник начальника Экономического управления ОГПУ) и Михаил Савельевич Горб.

Отделения ИНО:

1-е отделение (нелегальная разведка) – Л.Г. Эльберт;

2-е отделение (вопросы выезда и въезда в СССР) – И.А. Бабкин;

3-е отделение (разведка в США и основных странах Европы) – М.Г. Молотковский;

4-е отделение (разведка в Финляндии и странах Прибалтики) – А.П. Невский;

5-е отделение (разведка по белой эмиграции) – А.П. Федоров;

6-е отделение (разведка в странах Востока) – К.С. Баранский;

7-е отделение (экономическая разведка) – А.А. Нейман;

8-е отделение (научно-техническая разведка) – Л.Л. Никольский (А.М. Орлов)⁴⁰.

Штат Иностранного отдела в конце 1930 года составил 121 человек. Но, кроме штатных сотрудников, в это время создается резерв ИНО, в котором в 1932 году числилось 68 человек. На «иностранную работу» было выделено 300000 рублей золотом.

Важное значение придавалось ведению нелегальной разведки. Так, в Великобритании и Франции было создано несколько нелегальных резидентур, успешно решавших стоящие перед ними задачи.

В начале тридцатых годов прошлого века по мере изменения внешнеполитической обстановки, и прежде всего из-за прихода к власти в Германии нацистов, изменились и приоритеты внешней разведки. Важнейшим из них стало внедрение надежной агентуры в правительственные учреждения стран – вероятных противников в будущей войне, прежде всего Германии и Японии. Эта агентура должна была добывать информацию политического и военного, а также экономического и научно-технического характера. Среди других направлений работы ИНО сохраняли свое значение вскрытие шпионской и подрывной деятельности западных разведок и эмигрантских организаций в отношении СССР, контрразведывательное обеспечение советских загранпредставительств и т. д.

⁴⁰ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России. С.19.

5 февраля 1930 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) были определены «районы разведывательной работы ИНО ОГПУ»:

Англия;
Франция;
Германия (центр);
Польша;
Румыния;
Япония;
Лимитрофы.

Также в документе названы задачи, «стоящие перед ИНО ОГПУ»:

- «1. Освещение и проникновение в центры вредительской эмиграции, независимо от места их нахождения.*
- 2. Выявление террористических организаций во всех местах их концентрации.*
- 3. Проникновение в интервенционистские планы и выяснение сроков выполнения этих планов,готавливаемых руководящими кругами Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии.*
- 4. Освещение и выявление планов финансово – экономической блокады в руководящих кругах упомянутых стран.*
- 5. Добыча документов секретных военно-политических соглашений и договоров между указанными странами.*
- 6. Борьба с иностранным шпионажем в наших организациях.*
- 7. Организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций.*
- 8. Добыча для нашей страны промышленных изобретений, технико-производственных чертежей и секретов, не могущих быть добыты обычным путем.*
- 9. Наблюдение за советскими учреждениями за границей и выявление скрытых предателей»⁴¹.*

1 августа 1931 года Мессинг, который, как и его предшественник Трилиссер, оказался втянут в групповую борьбу за власть в верхушке ОГПУ, был снят с должности начальника Иностранного отдела. Его сменил Артур Христианович Артузов, который за день до этого был введен в состав Коллегии ОГПУ. При Артузове продолжилось расширение полномочий ИНО и увеличение его штатов. Так, с февраля 1933 года Иностранному отделу предоставлялось право ведения следствия по возникающим в ИНО делам сотрудников, а с апреля 1933 года был введен новый штат ИНО, включавший в себя 110 сотрудников. Согласно новому штату структура ИНО была следующей:

начальник ИНО – А.Х. Артузов;
заместитель начальника – А.А. Слуцкий;
помощник начальника – С.В. Пузицкий (он занимал эту должность с ноября 1931 года);
1-е отделение (нелегальная разведка) – Л.А. Эйтингон;
2-е отделение (вопросы выезда и въезда в СССР) – Я.М. Бодеско;
3-е отделение (разведка в США и основных странах Европы) – О.О. Штейнбрюк;
4-е отделение (разведка в Литве, Латвии, Эстонии, Польше и Финляндии) – К.С. Баранский;

⁴¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о работе ИНО ОГПУ. 5 февраля 1930 года. // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. С. 219–220.

5-е отделение (работа по белой эмиграции) – А.П. Федоров, с 21 июня 1934 года – Петр Николаевич Кропотков;

6-е отделение (политическая разведка в странах Востока) – И.Г. Герт (почти сразу его сменил Я.Г. Минскер), с 13 сентября 1934 года – Петр Яковлевич Зубов;

7-е отделение (экономическая разведка, контрразведывательное обеспечение совзагранучреждений) – Э.Я. Фурман;

8-е отделение (научно-техническая разведка) – П.Д. Гутцайт, с 21 июня 1934 года – С.Б. Иоффе.

В ноябре 1932 года Артузов издал распоряжение об усилении нелегальной работы и о готовности легальных резидентур к переходу на нелегальные условия работы⁴².

Приказом ОГПУ № 0070 от 17 февраля 1933 года ИНО было предоставлено право ведения следствия по возникающим в отделе следственным делам⁴³.

1 апреля 1933 года был введен новый штат ИНО, включавший 110 сотрудников. Распределение руководящих сотрудников по этому штату было таким:

Начальник ИНО (А.Х. Артузов).

Заместитель начальника ИНО (А.А. Слуцкий).

Помощник начальника ИНО (С.В. Пузицкий).

Начальники отделений:

1-е отделение – Л.А. Эйтингон;

2-е отделение – Я.М. Бодеско;

3-е отделение – О.О. Штейнбрюк;

4-е отделение – К.С. Баранский;

5-е отделение – А.П. Федоров;

6-е отделение – врид нач. И.Г. Герт;

7-е отделение – Э.Я. Фурман;

8-е отделение – П.Д. Гутцайт⁴⁴.

10 июля 1934 года в процессе образования НКВД СССР ИНО перешел из упраздненного ОГПУ в состав Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

Основными задачами ИНО, как и прежде, оставались:

«выявление направленных против СССР заговоров и подрывной деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций;

вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР иностранных разведывательных органов, белоэмигрантских центров и других организаций;

руководство деятельностью закордонных резидентур;

контроль над работой бюро виз, въездом и выездом за границу иностранцев, руководство работой по регистрации и учету иностранцев в СССР».

Зарубежным резидентурам ИНО поручалось работать по следующим направлениям:
выявление политических планов иностранных государств;

⁴² Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России. С.19.

⁴³ Приказ ОГПУ № 0070 от 17 февраля 1933 года. // цит. по ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. С.56.

⁴⁴ Приказ УД ОГПУ № 73 от 29 марта 1933 года. // цит. по ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. С.56.

борьба с антисоветскими эмигрантскими террористическими организациями в стране и за рубежом;

оперативно-чекистское обеспечение советских колоний и загранучреждений (внешняя контрразведка).

После создания ГУГБ была изменена и структура центрального аппарата внешней разведки. Начальником ИНО по-прежнему был Артузов.

8 октября 1934 года был объявлен новый штат Иностранного отдела, вводимый в действие с 10 июля 1934 года, общей численностью в 81 единицу.

Руководство:

начальник Отдела: А.Х. Артузов;

заместители начальника Отдела: А.А. Слуцкий, Б.Д. Берман;

помощники начальника Отдела: В.М. Горожанин, С.В. Пузицкий;

сотрудник для особых поручений при начальнике ИНО: А.Н. Захара.

Секретариат

1-е отделение (нелегальная разведка):

начальник: Н.Г. Самсонов;

помощник начальника: И.К. Лебединский;

оперуполномоченные: А.М. Лобанов, А.П. Никульцев, Г.И. Киллих – Миллер, Я.П. Ковач, А.И. Орлов – Гузе;

уполномоченные: В.Л. Орловская, Г.Д. Присягин, А.К. Крастол;

помощники уполномоченных: Р.Ф. Гурт, Л.Г. Кравченко, И.П. Шариков, И.П. Орлова, С. З. Апресян.

2-е отделение (выезд и въезд в СССР, учет иностранцев, работа с консульствами):

начальник: Я.М. Бодеско – Михали;

помощники начальника: А.А. Булычев, А.А. Ригин;

оперуполномоченные: А.В. Марин, А.Н. Марков.

3-е отделение (разведка в странах Запада); начальник: К.И. Сили; помощник начальника: Г.К. Клесмет;

оперуполномоченные: Ф.М. Зархи (Сокольников), И.М. Кедров, А.В. Смирнов;

уполномоченный: В.В. Зимин;

4-е отделение (Прибалтика. Финляндия. Польша):

начальник: К.С. Баранский;

помощники начальника: Б.А. Рыбкин, Ю.Я. Томчин; оперуполномоченный: С.К. Богуславский; уполномоченный: А.И. Мартынова;

5-е отделение (белоземля):

начальник: П.Н. Кропотков;

помощник начальника: М.Н. Панкратов;

оперуполномоченный;

уполномоченный: Н.П. Червякова;

помощники уполномоченного: А.П. Калнынь, И.В. Аршин;

6-е отделение (разведка в странах Востока):

начальник: П.Я. Зубов;

помощники начальника: Ф.А. Гурский, С.А. Родителей;

оперуполномоченные: Р.Д. Бадмаин, Е.А. Фортунатов, М.Е. Добисов;

7-е отделение (экономическая разведка; совколонии): начальник: Д.М. Смирнов;
оперуполномоченные: А.Б. Грозовский, Г.Б. Графпен, Д.М. Виндбеутель, А.К. Климович, С.И. Чацкий; уполномоченный; помощник уполномоченного: М.И. Ланге;

8-е отделение (научно-техническая разведка):

начальник: С.К. Иоффе; помощник начальника: С.Л. Саулов; оперуполномоченный: К.А. Дунц.

21 мая 1935 г. Артузова на посту начальника ИНО сменил его заместитель А.А. Слуцкий. Из ИНО НКВД в 1935 году вместе с А. Х. Артузовым ушли в Разведупрпвление РККА: Л. Н. Захаров – Мейер, Ф. Я. Карин, О. О. Штайнбрюк, Н. М. Балдаев, Бодела, М. А. Букин, И. И. Герценберг, Б. И. Гудзь, П. В. Воропинов, С. А. Залесская, М. Е. Макаренко, А. Ф. Маншейт, М. М. Михалевский, Б. Э. Найдис, М. А. Нефёдов, Онуфриев, М. Н. Панкратов, Петров, Д. Пойнтц, А. И. Полуэктов, А. А. Ригин, Скворцова (Элеонора), Г. С. Тылис, П. И. Янов и другие.

26 ноября 1935 года в составе ИНО было образовано новое, 9-е отделение с задачей по организации оперативно-агентурного учета, численностью 7 человек. Начальником отделения (по совместительству) был назначен секретарь ИНО Шлема Вульфович Гольдесгейм. 22 ноября был объявлен штат этого отделения, вступающий в силу с 1 ноября 1935 года:

начальник: Ш.В. Гольдесгейм;

оперуполномоченные: Я.Д. Свешников, Д.М. Виндбеутель;

помощник оперуполномоченного: А.П. Калнынь.

26 сентября 1936 года Генеральный комиссар госбезопасности Генрих Ягода был освобожден от должности наркома ВД СССР и назначен наркомом связи СССР. На его место был назначен Николай Иванович Ежов, который имел установку полностью «перетряхнуть» аппарат государственной безопасности. С приходом Ежова в НКВД СССР в ГУГБ произошли многочисленные изменения. Коснулись они и разведки. 25 декабря 1936 года отделам ГУГБ НКВД СССР в целях конспирации были присвоены номера. ИНО стал именоваться 7-м отделом.

Структура 7-го отдела ГУГБ на 1938 год была следующей:

Руководство (начальник и два заместителя).

Секретариат

Хозяйственное подразделение

Кадровое подразделение

Финансовое подразделение

1-е отделение – Германия, Италия, Чехословакия, Венгрия;

2-е отделение – Япония, Китай;

3-е отделение – Польша, Румыния, Болгария, Югославия;

4-е отделение – Британия, Франция, Испания, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Люксембург;

5-е отделение – Греция, Турция, Иран, Афганистан;

6-е отделение – Финляндия, страны Скандинавии и Прибалтики;

7-е отделение – США, Канада;

8-е отделение – оппозиция;

9-е отделение – эмиграция;

10-е отделение – научно-техническая разведка;

11-е отделение – оперативная техника;

12-е отделение – визы и учет иностранцев. Штат отдела – 210 человек⁴⁵.

Во второй половине 1937 года была изменена структура центрального аппарата ИНО.

В него вошли два отдела и два самостоятельных отделения.

1-й отдел направлял работу закордонных резидентур и включал в себя 9 географических секторов, руководивших политической, научно-технической и экономической разведкой в закрепленных за ними странах.

2-й отдел ведал вопросами внешней контрразведки и состоял из 6 секторов, занимавшихся борьбой с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью зарубежных спецслужб и политэмигрантских центров на территории СССР и против совзагранпредставительств.

⁴⁵ Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. С. 31–32.

Фундамент будущих побед

Первая мировая война необратимо изменила весь устоявшийся миропорядок. С политической карты исчезли Российская, Германская, Османская и Австро-Венгерская Империи, а бывший мировой гегемон Англия начала свой путь к упадку, уступая место молодому заокеанскому хищнику. Великая Война и Великая Революция в России подорвали монополию доминирующей доселе консервативной идеологии и левые идеи, остававшиеся ранее уделом немногочисленных маргиналов стали набирать популярность среди западных интеллектуальных кругов и особенно молодежи.

Именно из этих людей ИНО и начал плести агентурную сеть, которая за предвоенные десятилетия проникла в высшие военно-политические объекты стран Антанты и Оси.

В начале 30-х годов перед советской разведкой встала задача по проникновению в политическую верхушку ведущих европейских государств. Это было обусловлено тем, что советское руководство во главе со Сталиным считало достоверной только ту информацию, добытую разведкой, которая поступала от агентов в правительственных учреждениях. А так как большинство действующих источников были мелкими служащими, не имеющими доступа к кругам, где принимались решения, то основные усилия вербовщиков было решено направить на молодых людей из состоятельных семей, могущих со временем занять высокое положение в политической элите своей страны. Вот как пишет об этой концепции один из ее авторов А. Орлов:

«В начале тридцатых годов резидентуры НКВД сосредоточили усилия на вербовке молодых людей из влиятельных семей. Политический климат тех лет благоприятствовал этому. Молодое поколение было восприимчиво к идеям свободы и стремилось спасти мир от фашизма и уничтожить эксплуатацию человека человеком. На этом НКВД и строил свой подход к молодым людям, уставшим от бессмысленной жизни, удручающей атмосферы своего класса. И когда эти молодые люди созревали для вступления в коммунистическую партию, им говорили, что они могут принести гораздо больше пользы, если будут держаться подальше от партии, скроют свои политические взгляды и примкнут к революционному подполью».

Герои «Красной капеллы»

Первое что надо знать о советской резидентуре «Красная капелла» – то что ее никогда не существовало. Так называлась немецкая особая команда (Sonderkommando “RoteKapelle”), созданная летом 1942 года в гестапо с привлечением специалистов службы радиоконтрразведки Верховного командования вермахта для ликвидации всех связанных с Москвой агентов в Германии и оккупированных странах Европы. В действительности же они представляли собой изолированные ячейки (впрочем, вопреки правилам конспирации, многие из их членов контактировали друг с другом) подчиненные трем разным советским разведкам – ИНО НКВД, Разведупру Генштаба Красной армии и спецслужбе Коминтерна. Единственное что их объединяло организационно – это гестаповские охотники. Тем не менее, после войны с легкой руки мемуаристов из немецких спецслужб – в первую очередь Вальтера Шелленберга название «Красная капелла» стало ассоциироваться с теми, с кем боролась зондеркоманда. Многие чудом уцелевшие немецкие антифашисты категорически возражали против отождествления их с «Красной капеллой». Так, жена одного из руководителей берлинского подполья Грета Кукхоф в своих воспоминаниях писала: «Так нас назвал наш непримиримый враг, и мы с этим не можем согласиться, ибо это неточно и унижает нас». Но название продолжало жить своей жизнью, и скоро именем «Красная капелла» называли только подпольные антифашистские группы и отдельные резидентуры советской разведки, в большинстве своем разгромленные гестапо. А французский писатель Жиль Перро свою книгу о Леопольде Треппере, нелегальном резиденте ГРУ в Бельгии и Франции, вышедшую в 1967 году, так и озаглавил – «Красная капелла». По этому поводу один из членов так называемой «Красной капеллы» Генрих Шеель сказал следующее:

«В истории немало примеров, когда противник, желая дискредитировать своих антагонистов, давал им унижительные прозвища и клички. Но затем из проклятья они становились символами совершенно иного звучания. Так произошло и с «Красной капеллой». О зондеркоманде едва ли кто сейчас помнит, а о делах тех, за кем она вела охоту, все непредубежденные люди говорят с уважением и восхищением»⁴⁶.

В связи с тем что термин «Красная капелла» устоялся, мы в данном очерке также будем называть им агентов внешней разведки, действовавших в Германии в 1935–1942 годах. Что же касается конкретных агентурных групп ИНО НКВД, то, на наш взгляд, будет правильным называть «Красной капеллой» группы Арвида Харнака, Харро Шульце-Бойзена и Адама Кукхофа.

Нелегальная сеть «Красной капеллы» в Германии берет свое начало в августе 1932 года, когда член немецкой делегации ассоциации «АР-ПЛАН» Арвид Харнак посетил с визитом Москву.

⁴⁶ Пещерский В. С фактами не в ладах // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 4.

Арвид и Милдред Харнак

Арвид Харнак родился 24 мая 1901 года в городе Дармштадт в семье известных ученых. Он учился в университетах Йены и Граца и в 1924 году получил ученую степень доктора юриспруденции. В 1925 году он выехал для продолжения образования в США, где изучал политическую экономию. Там познакомился с Милдред Фиш и в 1926 году женился на ней. Вернувшись в 1928 году в Германию, Харнак поступил в Гессенский университет и в 1931 году защитил диссертацию на тему «Домарксистское рабочее движение в Соединенных Штатах».

Глубокое изучение истории рабочего движения, большой практический опыт и интерес к проблемам построения социализма в СССР привели его в лагерь коммунистов. Но подобно многим представителям немецкой интеллигенции, Харнак предпочитал не демонстрировать свои коммунистические убеждения путем вступления в КППГ, а стал членом «Союза работников умственного труда», под чьим прикрытием КППГ действовала среди служащих, ученых, учителей. Зимой 1931 года Харнак стал одним из основателей ассоциации «АР-ПЛАН», ставящей своей целью изучение советской плановой экономики, а в августе 1932 года организовал ознакомительную экскурсию 24 экономистов и инженеров по индустриальным центрам СССР.

Именно тогда на Харнака обратили внимание сотрудники советской разведки, работавшие под «крышей» ВОКС («Всесоюзное общество культурных связей с заграницей»). При помощи дипломата Александра Гиршфельда, советника по культуре советского посольства в Германии, с которым Харнак поддерживал контакты в Берлине, началась осторожная работа по вовлечению председателя «АР-ПЛАН» в агентурную сеть ИНО НКВД. После прихода к власти Гитлера эта работа была ускорена. И в июле 1935 года начальник внешней разведки Артур Артузов санкционировал вербовку Харнака, которая была проведена 8 августа 1935 года в Берлине Гиршфельдом. После трехчасовой беседы Харнак согласился работать на советскую разведку, хотя для этого ему пришлось порвать с КППГ, что противоречило его принципам. Первым оператором Балта (такой псевдоним получил Харнак) стал сотрудник берлинской резидентуры ИНО Наум Белкин (Кади).

Выполняя задание советской разведки по организации надежного прикрытия, Харнак вступил в Национал-социалистический союз юристов и возглавил в нем секцию, функционирующую в имперском министерстве хозяйства, где он служил в должности старшего правительственного советника. Кроме того, он стал членом Геррен-клуба (Клуба господ), в который входили многие видные немецкие промышленники, аристократы, чиновники и высшие

чины армии, флота и ВВС. Позднее многие из них стали для Харнака ценными источниками информации. Среди тех, кто поставлял Харнаку важные сведения, необходимо в первую очередь отметить следующих:

барон Вольцоген-Нойхаус (Грек), высокопоставленный сотрудник технического отдела ОКВ (Верховного военного командования);

Ганс Рупп (Турок), главный бухгалтер концерна «И. Г. Фарбен»;

Вольфганг Хавеманн (Итальянец), офицер военно-морской разведки в Верховном командовании ВМС;

Карл Берёнс (Штральман, Лучистый), работал в проектно-конструкторском отделе концерна «АЭГ»;

Тициенса (Албанец), выходец из России, промышленник, имевший большие связи в высших кругах ОКВ;

Бодо Шлезингер (Степной), переводчик иностранной литературы в министерстве авиации;

Герберт Гольнов, сотрудник реферата контрразведки ОКВ (Гольнову, как и некоторым другим, разведка псевдоним не дала).

Сведения, которые Харнак получал от своих информаторов, были очень важны для СССР. Например, Беренс предоставил советской разведке многочисленные технические чертежи, которые позволили быстро наладить в СССР такую промышленную отрасль, как электромашиностроение. Кроме того, как высокопоставленный чиновник имперского министерства хозяйства, Харнак сам был важнейшим источником информации. Вот, например, краткий перечень информации, полученной от Корсиканца (новый псевдоним Харнака), составленный в Москве в июне 1938 года:

«Ценные документальные материалы по валютному хозяйству Германии, секретные сводные таблицы всех вложений Германии за границей, внешней задолженности Германии, секретные номенклатуры товаров, подлежащих ввозу в Германию, секретные торговые соглашения Германии с Польшей, Прибалтийскими странами, Ираном и другими, ценные материалы о заграничной номенклатуре министерства пропаганды, внешнеполитического ведомства партии и других организаций. О финансировании разных немецких разведывательных служб в валюте и т. д...»⁴⁷.

⁴⁷ Царев О., Костелло Д. Указ. соч. С. 78.

Наш человек в гестапо

Рассказывают, что когда генсек Леонид Ильич Брежнев первый раз посмотрел фильм «Семнадцать мгновений весны», то немедленно дал распоряжение представить Исаева-Штирлица к званию Героя Советского Союза. И каково же было его удивление, когда ему сообщили, что такого разведчика не существовало, а образ Штирлица – собирательный. Несмотря на это, многих до сих пор интересует: был ли у советской разведки свой человек в нацистских спецслужбах?

Здесь надо ответить прямо – советского разведчика-нелегала в VI управлении (внешняя разведка) Главного имперского управления безопасности (РСХА) не было. Дело в том, что VI управление, или внешняя СД – служба безопасности СС, было органом нацистской партии, а кандидаты на работу там проходили всестороннюю тщательную проверку. И при всем желании невозможно было создать для разведчика легенду, которая такую проверку выдержала бы. А вот завербованные агенты в РСХА у советской разведки имелись. Одним из них был Вилли Леман, кадровый сотрудник IV управления (гестапо), о котором и пойдет речь.

Вилли Леман родился в 1884 году в Саксонии недалеко от Лейпцига в семье учителя. После школы стал учеником столяра, но, когда ему исполнилось 17 лет, круто поменял профессию и добровольцем поступил на службу в имперский военно-морской флот. Получив специальность артиллериста, Леман побывал во многих дальних морских походах, а в мае 1905 года даже наблюдал знаменитое Цусимское сражение.

В 1911 году Леман демобилизовался в чине старшины-артиллериста и поступил на службу в берлинскую полицию. Будучи весьма способным человеком и добросовестным служакой, он быстро сделал карьеру и к 1914 году из простого полицейского стал сотрудником политического отдела берлинского полицей-президиума, который занимался в числе прочего и контрразведкой. Прекрасно зарекомендовав себя во время Первой мировой войны, Леман в 1920 году был назначен на должность дежурного по контрразведывательному отделу, что позволяло ему быть в курсе наиболее важных операций, проводимых немецкими спецслужбами.

Мотивы, по которым Леман стал сотрудничать с советской разведкой, не вполне ясны. Он не был тщеславен и не имел каких-либо пагубных привычек, так как страдал заболеванием почек на почве диабета. В 1915 году он женился, но брак был бездетным. А в 20-е годы его жена Маргарита получила в наследство гостиницу и ресторан на одной из железнодорожных станций в Силезии, из чего можно сделать вывод, что в деньгах он особо не нуждался. Существует две точки зрения, почему Леман предложил свои услуги советской разведке. Первая принадлежит Вальтеру Шелленбергу, который в конце 30-х годов руководил контрразведывательным отделом гестапо. Рассказывая о Лемане в своих мемуарах, он поведал следующее:

«В нашем отделе, ведавшем промышленным шпионажем, служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали дядюшкой Вилли. Он был женат и вел скромную жизнь простого бюргера. Правда, у него была одна страсть – лошадиные бега. В 1936 году он впервые начал играть на ипподроме, и сразу же его увлекла эта страсть, хотя он проиграл большую часть своего месячного заработка. Знакомые дали потерпевшему неудачу новичку хорошие советы, и дядюшка Вилли утешился возможностью скоро отыграться. Он сделал новые ставки, проиграл и остался без денег.

В отчаянии, не зная, что делать, он хотел тут же покинуть ипподром, но тут с ним заговорили двое мужчин, которые явно видели его неудачу, «Ну и что ж с того, – произнес тот, кто назвал себя Мецгером, – со мной такое раньше тоже случалось, так что нечего вешать голову».

Мецгер проявил понимание к страстишке дядюшки Вилли и предложил ему в виде помощи небольшую сумму денег, с условием, что он будет получать пятьдесят процентов от каждого

выигрыша. Дядюшка Вилли согласился, но ему опять не повезло – и он проиграл. Он получил новую субсидию и на этот раз выиграл. Но эти деньги ему теперь были крайне необходимы для семьи. Однако Мецгер предъявил ему счет. Он потребовал вернуть все полученные за игру деньги, и, поскольку дядюшка Вилли не в состоянии был расплатиться, пригрозил заявить об этом вышестоящему начальству. Во время этого разговора он был под хмельком и согласился на условия своего сердобольного «друга». За предоставление новой ссуды он обещал передавать ему информацию из центрального управления нашей разведки. Отныне он состоял на службе у русских»⁴⁸.

Впрочем, безоговорочно доверять словам Шелленберга было бы неразумно. Во-первых, он известен своими фантазиями, порожденными его непомерным тщеславием. А во-вторых, вербовка Лемана в изложении Шелленберга не имеет ничего общего с действительностью. Правда, этому есть объяснение, но о нем позже. Другая точка зрения принадлежит последнему оператору Лемана Борису Журавлеву, который считает, что тот начал работать на советскую разведку по идейным соображениям. В интервью писателю Теодору Гладкову он заявил:

«Я и сегодня не сомневаюсь, что Леман работал исключительно на идейной основе. Хоть и кадровый полицейский, он был антинацистом. Возможно, даже именно поэтому. Тем более что, очутившись в гестапо, видел изнутри, насколько преступен гитлеровский режим, какие несчастья он несет немецкому народу.

В самом деле, после временного разрыва с нами связи он сам восстановил ее в 1940 году, прекрасно сознавая, что в случае разоблачения ему грозит не увольнение со службы, не тюрьма, а мучительные пытки в подвалах своего ведомства и неминуемая казнь. Такой судьбой никого ни за какие деньги не соблазнишь. К тому же Леман был человеком в годах, без юношеской экзальтации и романтизма, он все прекрасно понимал, и шел на смертельный риск совершенно осознанно»⁴⁹.

Но, думается, что истина лежит где-то посередине. Действительно, к набирающему силу нацизму Леман относился отрицательно, но в то же время не испытывал симпатий и к коммунистам. Будучи свидетелем ужасов Первой мировой войны, он был сторонником мира с Россией, но во время его первых контактов с советской разведкой Гитлер еще не пришел к власти. Как и всякий немец, он умел считать деньги и понимал, что его жалованья не хватит, чтобы поддерживать доставшиеся жене в наследство гостиницу и ресторан в надлежащем состоянии. Кроме того, после выхода на пенсию он собирался открыть в Берлине частное сыскное бюро. Поэтому с советской разведкой Леман начал сотрудничать исключительно по материальным соображениям. Об этом говорит и тот факт, что с 1934 по 1938 год он получал от своих операторов 580 марок ежемесячно.

Первый раз Леман встретился с сотрудником берлинской резидентуры ИНО ОГПУ в 1929 году, но этому предшествовал целый ряд длительных и взаимных проверок. Все началось в 1923 году, когда сотрудник контрразведывательного отдела полиции-президиума Берлина в чине криминальoberвахмистра Эрнст Кур за дисциплинарное нарушение был уволен со службы без права на получение пенсии. Оставшись без работы Кур перебивался тем, что красил берлинские крыши, да еще время от времени ему помогали бывшие сослуживцы. Жена Кура, не желая терпеть материальные лишения, подала на развод. Но так как Куру некуда было уходить, то они продолжали жить под одной крышей. Однажды бывшая жена Кура обнаружила среди его вещей служебные бумаги и сообщила об этом в полицию. У Кура был произведен обыск, в результате которого были изъяты секретные документы. Как они к нему попали, Кур уже не помнил, но, несмотря на это, ему грозил суд. Однако полиция не захотела выносить сор из избы, и дело замяли.

⁴⁸ Шелленберг В. Мемуары. М., 1991. С. 117.

⁴⁹ Гладков Т. Король нелегалов. М., 2000. С. 189–190.

Приблизительно в это же время Кур попросил в долг у Лемана, который помогал ему и раньше. Леман не отказал, но неожиданно посоветовал поискать источник доходов в советском полпредстве. Последовав совету, Кур в конце 1928 года отправил в полпредство СССР в Берлине письмо, в котором предложил свои услуги. А в начале 1929 года состоялась его первая встреча с работником резидентуры ИНО ОГПУ в Берлине. Во время обстоятельного разговора Кур выразил согласие за материальное вознаграждение работать на советскую разведку, сообщая сведения, которые мог узнать от своих знакомых в полиции. Центр одобрил вербовку Кура, который получил псевдоним А/70 (позднее Рауне).

Леман, к которому Кур стал обращаться за интересующими его сведениями, понял, что тот стал работать на русских. Убедившись в безопасности таких контактов, Леман в конце лета 1929 года и сам через Кура установил связь с берлинской резидентурой ИНО. В Москве вербовку Лемана, которому был присвоен псевдоним А/201 (позднее Брайтенбах), сочли большой удачей. 7 сентября Центр направил в Берлин телеграмму, в которой говорилось:

«Ваш новый агент А/201 нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест, где при малейшей неосторожности со стороны А/201 или А/70 может произойти много бед. Считаем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А/201»⁵⁰.

В Берлине тоже понимали необходимость соблюдения максимальной осторожности при контактах с Леманом. В ответной телеграмме в Москву по этому поводу говорилось: «Опасность, которая может угрожать в случае провала, нами вполне учитывается, и получение материалов от источника обставляется максимумом предосторожностей»⁵¹.

В результате было решено, что связь с Леманом станет поддерживать через Кура нелегальный резидент внешней разведки в Германии Эрих Такке (Бом). Но, как выяснилось, такая организация связи оказалась ненадежной. Дело в том, что Кур имел склонность сорить деньгами, увлекался женщинами и вином, иногда бывал излишне болтлив. Кроме того, Леману стало известно, что полиция начала проявлять интерес к Куру в связи с тем, что его вторая жена распространяла журнал МОПР (Международная организация помощи борцам революции). Поэтому было решено вывести Кура из цепочки связи. В 1932 году по указанию начальника ИНО Артура Артузова он был передан на связь нелегалу Карлу Гурскому (Монгол), а также сменил прикрытие, став при помощи советской разведки совладельцем небольшого кафе. Что же касается Лемана, то связь с ним после отъезда Такке из Германии поддерживал сотрудник легальной берлинской резидентуры Израйлович (Генрих).

Разведывательные возможности Лемана были огромны. В 1930 году ему была поручена «разработка» советского посольства в Берлине, а в конце 1932 года переданы все дела по польскому шпионажу в Германии, которые представляли большой интерес для советской разведки. Сведения, передаваемые им, трудно переоценить. Например, в марте 1933 года он по заданию Москвы сумел посетить берлинскую тюрьму Моабит и подтвердить, что лидер немецких коммунистов Эрнст Тельман находится именно там. А в справке о работе Лемана, составленной в 1940 году начальником немецкого отделения Павлом Журавлевым, говорилось: «За время сотрудничества с нами с 1929 г. без перерыва до весны 1939 г. Брайтенбах передал нам чрезвычайно обильное количество подлинных документов и личных сообщений, освещавших структуру, кадры и деятельность политической полиции (впоследствии гестапо), а также военной разведки Германии. Брайтенбах предупреждал о готовящихся арестах и провокациях в отношении нелегальных и «легальных» работников резидентуры в Берлине... Сообщал сведения о

⁵⁰ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 340–341

⁵¹ Там же. С. 341.

лицах, «разрабатываемых» гестапо, наводил также справки по следственным делам в гестапо, которые нас интересовали...»⁵².

26 апреля 1933 года, после прихода нацистов к власти, Геринг учредил государственную тайную полицию (гестапо), в которую вошел и отдел Лемана. Через год в день рождения фюрера Леман был принят в СС, где получил звание гауптштурмфюрера и повышен в должности до криминалькомиссара. О доверии, которым Леман пользовался у нацистов, говорит тот факт, что Геринг включил его в свою свиту во время «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 года, когда по приказу Гитлера было ликвидировано руководство штурмовых отрядов (СА) во главе с Ремом. А в канун 1936 года Леман в числе четырех сотрудников гестапо был награжден портретом фюрера с его автографом.

В 1934 году оператором Лемана стал прибывший в Германию разведчик-нелегал Василий Зарубин. Следуя указаниям Центра, он ориентировал Лемана прежде всего на работу по освещению деятельности СД, гестапо и абвера. И уже через некоторое время в Москву был направлен годовой отчет гестапо. Кроме того, от Лемана поступала важная информация о техническом оснащении и вооружении вермахта. Так, от него были получены описания новых типов артиллерийских орудий, в том числе дальнобойных, минометов, бронетехники, бронепушек, специальных гранат и твердотопливных ракет для газовых атак. В 1936 году он сообщил о создании фирмой «Хейнкель» нового цельнометаллического бомбардировщика, о новом цельнометаллическом истребителе, специальной броне для самолетов, огнеметном танке, строительстве на 18 судовых верфях Германии подводных лодок, предназначенных для операций в Северном и Балтийском морях. Не менее важной была переданная Леманом информация о том, что под личным контролем Геринга на заводах фирмы «Браваг» в Силезии в обстановке строжайшей секретности проводятся опыты по получению бензина из бурого угля.

Огромное значение имели поступившие от Лемана в конце 1935 года сведения о начале работ по созданию ракет на жидком топливе под руководством Вернера фон Брауна. В докладе объемом 6 страниц Леман, в частности, писал: «В лесу, в отдаленном месте стрельбища, устроены постоянные стенды для испытания ракет, действующих при помощи жидкости. От этих новшеств имеется немало жертв. На днях погибли трое». Доклад Лемана в декабре 1935 года был направлен Сталину и наркому Ворошилову, а в январе 1936 года – начальнику вооружения РККА Михаилу Тухачевскому. Начальник Разведупра РККА Семен Урицкий, которого также ознакомили с докладом, возвратив его, приложил к нему вопросник. В первом, пункте вопросника говорилось:

«Ракеты и реактивные снаряды.

1. Где работает инженер Браун? Над чем он работает? Нет ли возможности проникнуть к нему в лабораторию?

2. Нет ли возможности связаться с другими работниками в этой области?»⁵³.

Эти вопросы были переданы Леману, и уже в мае 1936 года он сообщил дислокацию 5 секретных полигонов для испытания нового вида оружия, в том числе особо охраняемого лагеря Дебриц около Берлина.

Тогда же Леман внезапно оказался на грани провала. Арестованная гестапо некая Дильтей на допросах заявила, что советская разведка имеет в политической полиции своего агента по фамилии Леман. За Леманом было установлено наблюдение, но вскоре выяснилось, что Дильтей оговорила своего бывшего любовника, тоже Лемана, который также работал в гестапо.

В марте 1937 года Зарубин вернулся в СССР, и контакты с Леманом стала поддерживать Мария Вильковская (Маруся), жена сотрудника легальной резидентуры в Берлине Александра Короткова. Связь осуществлялась через хозяйку конспиративной квартиры Клеменс.

⁵² Там же. С. 338.

⁵³ Там же. С. 344.

Она была иностранкой, практически не владела немецким языком и поэтому использовалась только в качестве «почтового ящика». Леман оставлял у нее материалы в запечатанном пакете, который потом забирала Вильковская. Так продолжалось до октября 1937 года, когда Вильковскую и Короткова отозвали в Москву. Ее сменил оставшийся единственным оперативным работником берлинской легальной резидентуры Александр Агаянц (Рубен). Но в декабре 1938 года Агаянц умер во время операции – и связь с Леманом прервалась на долгие два года.

Франция

До сих пор первые шаги ИНО во Франции были освещены довольно скупо. Официальная история СВР сосредотачивала внимание главным образом на деятельности нелегальной резидентуры супругов *Василия Михайловича* и *Елизаветы Юльевны Зарубиных*, действовавшей в этой стране в 1929–1933 гг. Им действительно удалось добиться немалых успехов – так, им вскоре удалось получить доступ к переписке немецкого посольства в Париже и к депутатам парламента Франции, но что еще важнее – развернуть сеть из агентов, продолжавшую работать как минимум до конца 40-х годов. Конечно, ими потенциал советской разведки далеко не исчерпывался. В 30-е гг. по Франции также работали общеевропейские нелегальные резидентуры *М.А. Аллахвердова* и *Ф.Т. Карина*, в 1933–1934 гг. здесь также действовала группа «Экспресс» под руководством *А.М. Орлова* (оперативный псевдоним «Швед»), занимавшаяся разработкой 2-го Бюро – французской военной разведки. В РОВС в Париже был завербован генерал-майор Н.В. Скоблин. Не оставалась в стороне и легальная резидентура в посольстве, которую возглавляли А.А. Ригин (1926), А.М. Орлов (1926–1927), В.И. Волович (1928–1930), В.И. Сперанский (1930–1932), Д.М. Смирнов (1933), С.М. Глинский (1934–1937) и др., однако бегство в 1938 г. А.М. Орлова скомпрометировало в глазах Центра завербованных им агентов.

В.М. Зарубин и Е.Ю. Зарубина. Семейная резидентура

Лишь в 2019 году в книге С. Брилева и Б. О'Коннора «Разведка. «Нелегалы» наоборот: взаимодействие спецслужб Москвы и Лондона времен Второй мировой» была опубликована новая рассекреченная СВР информация.

В 1927 г. нелегальный резидент ОГПУ во Франции и Бельгии *Я.И. Серебрянский* завербовал в Париже молодого активиста компартии – демобилизованного солдата французских колониальных войск по имени *Мариус Онель* (оперативные псевдонимы «Генри» и «Кулаков»). Он оказался ценным и умелым помощником. За следующие 13 лет ему удалось собрать вокруг себя группу агентов – в их числе были его брат Морис – депутат парламента от компартии и Робер Бек, вскоре ставший правой рукой Онеля. Ему были подчинены нелегальные резиденты в Румынии и Польше, через него Москва поддерживала связь с работающими соло нелегалами в Италии, США и Южной Америке. Для прикрытия он основало небольшую частную авиакомпанию с двумя самолетами⁵⁴.

⁵⁴ С. Брилев, Б. О'Коннор, Разведка. «Нелегалы» наоборот: взаимодействие спецслужб Москвы и Лондона времен второй мировой. М., 2019. С.156.

Агент ОГПУ генерал-майор Н. В. Скоблин с супругой агентом ОГПУ певицей Надеждой Плевицкой-Скоблиной. Берлин, 21 января 1931 года.

Братья Онель участвовали в похищении главы РОВС генерала Кутепова 26 января 1930 г. Из рассекреченной справки СВР известно, что «Генри» получил за эту операцию орден Красного Знамени и был принят в советское гражданство. Известны также операции Мариуса Онеля против троцкистов: в ноябре 1936 г. он организует похищение из парижского Института исторических исследований архива Троцкого, организует перлюстрацию корреспонденции сына Троцкого Льва Седова, а в 1937–1938 гг. готовит покушение на самого Седова – когда тот умер по естественным причинам, задание отпало.

Судьба Бека сложилась трагично. После поражения Франции он возглавил действовавшую в Париже группу агентов. В конце 1941 г. в группу был внедрен провокатор гестапо Габриэль Эрслер («Андре»). Летом 1942 года после неудачной диверсионной операции (к ней мы вернемся несколько позже) группа была разгромлена, 6 февраля 1943 г. «Робер» был казнен⁵⁵.

Морис Онель в рамках «окончательного решения еврейского вопроса» попал в Аушвиц, но дожил до освобождения и умер в 70-е годы.

⁵⁵ Там же. С. 159.

«Генри» пережил оккупацию. После войны советская разведка восстановила с ним связь. Он использовался как вербовщик и групповод. В 1951 г. Центр попытался вывести его в Канаду для создания там нелегальной резидентуры, однако канадские власти аннулировали выданную ему визу. А вскоре французская контрразведка начала расследовать его деятельность во время войны и ПГУ МГБ приняло решение вывести «Генри» в СССР. В апреле 1953 г. он вместе с женой – чешской еврейкой – прибыл в Москву. Им была предоставлена квартира в Ростове-на-Дону, а в 1959 г. они переехали в Прагу.

В ночь на 13 октября 1964 г. Мариус Онель скончался после продолжительной болезни⁵⁶.

⁵⁶ Там же. С. 157.

Ближний Восток

С первых дней существования Советского государства большевистское руководство проводило весьма дружественную политику по отношению к сионистскому движению. При этом большая роль отводилась внешней разведке. Так, в 1925 году председатель ОГПУ Феликс Дзержинский направил своим заместителям Вячеславу Менжинскому и Генриху Ягоде секретную записку, в которой говорилось, что чекисты должны дружить с сионистами, уметь завоевывать их расположение и использовать движение в своих целях. Предполагалось, что сионистское движение можно будет использовать для противодействия британской разведке на Ближнем Востоке, а также для нейтрализации попыток англичан вовлечь мусульман Средней Азии в борьбу против советской власти. Кроме того, Палестину намеревались использовать как плацдарм для проникновения в «жемчужину британской короны» – Индию.

В своих мемуарах Иосиф Бергер рассказывает еще об одном советском агенте – Иерахмиеле Лукачере (Хозро). В 20-е годы Лукачер был помощником создателя еврейских сил самообороны Исраеля Шойхета и вместе с ним в 1924 году участвовал в совместной с советской разведкой операции по доставке из Берлина в Палестину партии оружия. В 1926 году Лукачер вместе с руководителями «рабочих батальонов» («гдут гаавода») Менахемом Элькиндром и Довом Мехонаи посетил СССР, где вел переговоры с ОГПУ. Интересные подробности этих переговоров сообщает Георгий Агабеков:

«В беседах с иностранным отделом сионисты указывали на разногласия палестинского еврейства с англичанами и просили помочь им добиться государственной независимости Палестины. Они просили снабдить их оружием и денежными средствами для ведения пропаганды. Советское правительство очень заинтересовалось предложением, однако, когда шли переговоры, были получены сведения, что привезшие предложения сионисты являются английскими агентами и подсланы с целью спровоцировать и скомпрометировать советское правительство. Так как фактических улик против этих лиц не имелось, то иностранный отдел просто прекратил с ними сношения и предложил им выехать из СССР»⁵⁷.

Однако позднее подозрения с Лукачера и его товарищей были сняты. И когда Элькиндр выслали из Палестины, он вместе с группой евреев (около 150 человек) приехал в СССР, где основал в Крыму коммуну «Виа Нова».

Что касается работы в Палестине собственно сотрудников внешней разведки, то первым известным резидентом ИНО ОГПУ там был Яков Григорьевич Блюмкин. Именно он 6 июля 1918 года совершил покушение на посла Германии в Москве графа фон Мирбаха. При назначении Блюмкина резидентом в Палестину, несомненно, учитывалось прекрасное знание им как идиша, так и иврита, а также еврейских нравов и традиций. Он выехал в Палестину в декабре 1923 года и обосновался в Яффе (ныне Тель-Авив) под именем Моисея Гурфинкеля, владельца прачечной. Вместе с ним в качестве заместителя резидента в Палестину был направлен не менее известный впоследствии разведчик-нелегал Яков Исаакович Серебрянский.

Главной задачей нелегальной резидентуры Блюмкина был сбор информации о планах Англии и Франции на Ближнем Востоке, а также поддержка национально-освободительных и революционно-демократических движений в этом регионе. О конкретных деталях деятельности Блюмкина в Палестине в этот период мало что известно. Однако с большой уверенностью можно предполагать, что уже тогда он завязал прочные связи не только в Яффе, но и в других палестинских городах, опираясь на своих знакомых по работе на Украине в 1918–1919 годах.

Блюмкин пробыл в Яффе до июня 1924 года, после чего был отозван в Москву и назначен помощником командующего войсками ОГПУ в Закавказье. Вместо него нелегальным резиден-

⁵⁷ Агабеков Г. Секретный террор. М., 1996. С. 324–325.

том стал Серебрянский, перед которым была поставлена задача по внедрению в боевое сионистское движение. Это задание Серебрянский выполнил блестяще. В течение года ему удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой большую группу русских эмигрантов: А.Н. Ананьева (он же И.К. Кауфман), Ю. И. Волкова, Р. Л. Эске-Рачковского, Н. А. Захарова, А. Н. Турыжников и некоторых других. Позднее все они составили костяк так называемой «группы Яши» и принимали участие в ряде ответственных операций советской разведки: например, в похищении в январе 1930 года в Париже главы РОВС генерала Александра Кутепова.

В 1925 году Серебрянский был отозван из Яффы и направлен нелегальным резидентом в Париж. Перед этим он передал свою палестинскую агентуру на связь резиденту ИНО ОГПУ в Константинополе Гольденштейну. Вскоре Гольденштейн был направлен в Берлин, откуда продолжал руководить агентурной сетью.

Однако в Москве посчитали такое положение вещей нецелесообразным. Было решено создать самостоятельную нелегальную резидентуру в Константинополе, которая бы руководила разведывательной работой на Ближнем Востоке. Летом 1928 года начальник ИНО ОГПУ Меер Трилиссер вызвал к себе Блюмкина и дал ему задание — выехать в Турцию и в течение года организовать агентурную сеть в Палестине и Сирии. Задачей резидентуры было, как и прежде, сбор информации о политике Англии и Франции в этом регионе и проникновение через Аравийский полуостров в Калькутту и Бомбей.

Приступив к выполнению задания, Блюмкин пришел к выводу, что его старое прикрытие — прачечная в Яффе — более не подходит для эффективной работы. Поэтому, узнав, что венский комиссионер Якоб Эрлих ищет делового партнера для организации торговли древнееврейскими книгами, он решил организовать в качестве «крыши» в одном из палестинских городов торговое предприятие по продаже якобы вывезенных из СССР контрабандой редких еврейских фолиантов.

В июне 1928 года Блюмкин представил Трилиссеру план создания резидентуры в Константинополе. Обосновывая выбранное им прикрытие, он, в частности, писал:

«В настоящее время за границей приняла довольно большие размеры торговля старинными еврейскими книгами. Главными приобретателями этих книг являются не музеи, а отдельные личности, индивидуальные коллекционеры...

В связи с этим целый отряд посредников рыщет в поисках старинных книг. Они уже «опустошили» Галицию и Польшу, сейчас они бродят по Турции, Сирии и северному побережью Африки (Марокко, Тунис, Алжир). Единственный рынок, где имеется огромное количество таких книг, — это СССР...

Видимая торговля и скупка еврейских книг являются со всех точек зрения весьма удобным прикрытием для нашей работы на Ближнем Востоке. Она дает и связи, и возможность объяснить органичность своего пребывания в любом пункте Востока, а равно и передвижение по нему»⁵⁸.

Что касается собственно резидентуры, то она по замыслу Блюмкина должна была состоять из пяти человек: резидент Блюмкин (Живой), действующий под видом персидского купца, помощник резидента Лев Абрамович Штивельман (Прыгун), курьер — жена Штивельмана Нехама Манусовна (Двойка) и Марк Исаакович Альтерман, тесть Штивельмана, специалист по скупке и продаже древнееврейских книг. Место пятого члена резидентуры пока было вакантным.

Согласно плану Блюмкина, супруги Штивельман должны были выехать в Палестину, а Альтерман временно остаться в Москве для закупки и изъятия необходимых книг. Связь предполагалось осуществлять через курьеров или при помощи телеграмм на подставные адреса в

⁵⁸ Велидов А. Похождения террориста: одиссея Якова Блюмкина. М., 1998. С. 68–69.

Москве, Баку и Константинополе. Были также тщательно разработаны условия встреч резидента с курьерами в Константинополе, Риме и Париже.

Предложенный Блюмкиным план был одобрен руководством внешней разведки. После этого в Москве, Ленинграде, Одессе, Ростове и других городах развернулась работа по изъятию древнееврейских книг. В середине сентября 1928 года для Блюмкина был изготовлен персидский паспорт на имя купца Якуба Султанова, а также подготовлена первая партия книг.

В начале октября 1928 года Блюмкин выехал из Одессы в Константинополь, снял там помещение под офис и заказал необходимые для работы бланки и печати. Получив первую партию денег, он разместил ее в турецких банках, после чего принялся устанавливать контакты с константинопольскими торговцами и раввинами. Он также разослал письма в крупные английские, французские и немецкие антикварные фирмы и предложил им свои услуги в качестве представителя на Ближнем Востоке.

Обеспечив таким образом прикрытие, Блюмкин в ноябре 1928 года выехал в Европу для дальнейших переговоров о продаже книг. Он посетил Вену, Франкфурт-на-Майне и Берлин, а в декабре 1928 года приехал в Париж, где встретился с прибывшими туда супругами Штивельман. При помощи Блюмкина они устроились на работу представителями ряда французских антикварных фирм на Ближнем Востоке и в январе 1929 года выехали в Иерусалим. Кроме того, в Париже Блюмкин привлек к сотрудничеству приятеля Штивельмана по Одессе Николая Шина, который согласился стать его помощником в Константинополе.

В конце января 1929 года Блюмкин вместе с Шином выехал в Константинополь, где встретился с помощником начальника ИНО ОГПУ Сергеем Георгиевичем Вележевым, которому доложил о проделанной работе. Вележев в целом одобрил действия Блюмкина, санкционировал включение Шина в состав резидентуры, но посоветовал Блюмкину не увлекаться коммерцией, а изображать торговца-середняка, поскольку так он привлечет к себе меньше внимания.

После встречи с Вележевым Блюмкин вновь выехал в Европу. Там в марте 1929 года он узнал о высылке из СССР в Турцию Льва Троцкого. Будучи его горячим сторонником, Блюмкин немедленно возвратился в Константинополь, где несколько раз встречался как с самим Троцким, так и с его сыном Львом Седовым. Во время этих встреч Блюмкин информировал своих собеседников о деятельности советской разведки на Ближнем Востоке, а также дал несколько рекомендаций по организации охраны Троцкого.

В конце апреля 1929 года Блюмкин обратился в генеральное консульство Персии в Константинополе с просьбой о том, чтобы именоваться впредь не Якубом Султановым, а Якубом Султан-Заде. Этим он хотел «подтвердить» свои иранские корни. В консульстве с пониманием отнеслись к его просьбе, и 1 мая он получил соответствующее свидетельство, а в начале июня на итальянском пароходе «Умбрия» отплыл в Палестину.

14 июня Блюмкин прибыл в палестинский порт Хайфа, откуда выехал в Яффу, а затем в Иерусалим, где встретился со Штивельманом и выслушал его отчет о проделанной работе. Кроме того, после длительных переговоров он сумел заключить контракт с палестинской ковровой компанией о назначении его агентом по продаже ковров в Константинополе. После этого Блюмкин в течение двух месяцев совершил поездку по странам Ближнего Востока: Палестине, Египту, Сирии. Там он встретился со своими агентами, большей частью представителями еврейской интеллигенции и духовенства, которые крайне враждебно относились к английской администрации. 5 августа 1929 года Блюмкин вернулся в Константинополь, где его ждала телеграмма от Трилиссера, предписывающая срочно возвратиться в Москву. Перед отъездом Блюмкин в очередной раз встретился с Седовым и получил от него письмо Троцкого, которое следовало передать его сторонникам в СССР.

Прибыв в Москву, Блюмкин доложил начальнику ИНО Трилиссеру и председателю ОГПУ Менжинскому о проделанной работе. Деятельностью Блюмкина на Ближнем Востоке

заинтересовались и в ЦК ВКП(б). Например, Вячеслав Молотов потребовал от Блюмкина подробную характеристику не только межнациональных и классовых отношений в Палестине, но и перспектив объединения еврейской и арабской компартий для борьбы против англичан. Кроме того, Молотова интересовал вопрос: на кого делать ставку в случае войны с Англией – на евреев или арабов.

Почувствовав заинтересованность в своей работе у самого высокого руководства, Блюмкин предложил расширить деятельность ИНО ОГПУ на Ближнем Востоке. По его замыслу, в каждую ближневосточную страну следовало направить резидента, а в Константинополь и Александрию – старших резидентов, подчиняющихся непосредственно ему. Сам же Блюмкин будет контролировать и направлять их работу, а также изыскивать пути проникновения в Ирак, Персию и Индию. В связи с этим он обратился к Трилиссеру с предложением увеличить состав резидентуры. Своим заместителем он предложил назначить Георгия Сергеевича Агабекова (Арутюнова), имевшего большой опыт работы в Персии. В качестве секретарши (она же «внешняя жена» резидента) в Константинополь должна была выехать бывшая супруга одного из министров Дальневосточной республики Ирина Петровна Великанова, а резидентом в Палестину – инженер Рабинович, который должен был открыть там гараж. Предложения Блюмкина были приняты, и уже 4 октября Великанова отплыла в Константинополь, имея на руках персидский паспорт на имя супруги коммерсанта Якуба Султан-Заде. Что же касается Рабиновича, то он так и не успел выехать за рубеж.

Дело в том, что над головой Блюмкина стали собираться тучи. Начавшиеся осенью 1929 года кровавые столкновения между арабами и евреями в Палестине застали советское руководство врасплох. Агентура Блюмкина проинформировала о них только тогда, когда волнения приняли массовый характер. При этом присланный из Яффы отчет носил слишком общий характер. В результате в Палестину были направлены эмиссары Коминтерна, получившие задание информировать Москву о происходящих в Палестине событиях. Разумеется, в ОПТУ были недовольны тем, что основная информация о случившемся поступает в Кремль из Коминтерна, и авторитет Блюмкина как специалиста по Ближнему Востоку пошатнулся.

Впрочем, окончательную точку в судьбе Блюмкина поставили его контакты с Троцким. Карл Радек, которому Блюмкин передал письмо Троцкого, сообщил об этом Сталину. Развязка наступила мгновенно. 16 октября 1929 года Блюмкин был арестован, дал подробные показания о своих встречах с Троцким и Седовым и 3 ноября по постановлению Коллегии ОГПУ расстрелян «за измену Советской власти и пролетарской революции».

Расстрел Блюмкина не внес значительных изменений в планы руководства ИНО ОГПУ по организации разведывательной работы на Ближнем Востоке. Резидентом вместо Блюмкина был назначен Агабеков. Он должен был, прибыв в Константинополь, организовать работу по сбору информации в Палестине, Сирии, Египте и Хиджазе. Для этого ему предписывалось установить связь с находившимися в Палестине супругами Штивельман. Кроме того, он должен был встретиться с местными коммунистами, поддерживающими связь с берлинской резидентурой ИНО и присоединить их к своей агентурной сети. В Сирии Агабекову следовало установить контакт с работником Коминтерна Обейдуллою и использовать его для освещения политики сирийского правительства по отношению к Франции и Турции. Что касается Египта, то туда резидентом был направлен Моисей Маркович Аксельрод.

Агабеков прибыл в Константинополь 27 октября 1929 года на пароходе «Чичерин», имея в кармане паспорт на имя персидского купца Нерсеса Овсепяна. Через два дня он связался с легальным резидентом ИНО ОГПУ в Турции Наумом Эйтинггоном, находившимся в Константинополе в качестве атташе советского полпредства Леонида Наумова, и с его помощью приступил к ликвидации агентурной сети, созданной Блюмкиным, так как подозревал, что ее состав известен Троцкому. Прежде всего, используя письма, написанные Блюмкиным, он

отправил в СССР Великанову и Шина. А к началу января 1930 года в Москву были отозваны и находящиеся в Палестине Штивельман с женой.

Однако и на этот раз создать новую агентурную сеть в Палестине внешней разведке не удалось. Дело в том, что Агабеков, как и Блюмкин, встал на путь предательства: Влюбившись в молоденькую англичанку Изабел Стритер, у которой он брал уроки английского языка, он бросил свой пост и 19 июня 1930 года отправился вслед за ней во Францию. Там он выступил с разоблачениями, касающимися деятельности советской разведки на Ближнем Востоке, в результате чего большая часть сотрудников и агентов ИНО были отозваны в Москву, а оставшиеся прекратили всякую работу и «легли на дно».

Впрочем, через некоторое время советская внешняя разведка снова начала работу по организации агентурной сети в Палестине. При этом, как и раньше, чаще всего агенты направлялись в Палестину под видом выезжающих туда из Европы евреев. Их основной задачей было проникновение в сионистские организации с целью оказывать влияние на проводимую ими политику в отношении англичан. Примером такого проникновения можно назвать внедрение в 1939 году Израиля Беера в подпольную еврейскую армию «Хагана». Проводилась вербовка агентуры и непосредственно в Палестине. Так, в 1937 году Серебрянскому удалось завербовать агента в левозэкстремистской боевой сионистской организации «Штерн».

Китай

О деятельности советской внешней разведки в Европе и Америке известно достаточно много. Но Россия – государство, расположенное не только на территории Европы, но и Азии, и протяженность азиатской границы России значительно больше европейской. Это оправдывает повышенный интерес России к странам Востока, и в частности к Китаю. Огромная территория и постоянно растущая численность населения этого восточного соседа России, его материальные и сырьевые ресурсы делали Китай той страной, военно-политическое положение которой в значительной мере определяло внешнюю политику СССР в азиатском регионе.

Надо сказать, что внутренняя обстановка в Китае в начале 20-х годов была очень сложной. Центральное правительство во главе с лидером партии Гоминьдан Сунь Ятсеном, пришедшее к власти после революции 1911 года, контролировало только несколько провинций на юге страны. Фактически же Китай был раздроблен на многочисленные полунезависимые территории, где власть принадлежала китайским генералам, которых еще называли «военными лордами» или «провинциальными милитаристами».

После освобождения в 1920–1922 годах Сибири, Забайкалья и Приморья от белогвардейцев и японских оккупантов руководство советской внешней разведки обратило самое пристальное внимание на обстановку в Китае и особенно на его северных территориях. Это было связано с тем, что после окончания войны в Китае укрылось большое число белогвардейцев, ранее воевавших против Красной Армии. Особенно много их было в Маньчжурии, находившейся под контролем китайского генерала Чжан Цзолина. В короткий срок белогвардейцами было создано несколько активно действующих организаций, таких, как монархическое «Богоявленское братство» (глава Д. Казаков), «Комитет защиты прав и интересов эмигрантов» (руководители генерал Глебов и полковник Колесников), «Мушкетеры», «Черное кольцо», «Голубое кольцо» (все три возглавлял бывший секретарь российского посольства в Пекине Остроухов) и т. д. Кроме того, продолжали существовать военизированные формирования – отряды Анненкова, Глебова, Нечаева, Семенова и других, ставившие своей целью вооруженную борьбу с Советским государством. Поэтому работа против белой эмиграции стала, наряду с добыванием информации о политическом положении в самом Китае и планах японской военщины, главным направлением деятельности сотрудников разведки в Поднебесной.

Первая легальная резидентура ИНО ВЧК в Китае была создана в Пекине под прикрытием советской дипломатической миссии в начале 1921 года. Возглавил ее Аристарх Аристархович Ригин, работавший под псевдонимом Рыльский. Под его руководством начала создаваться агентурная сеть и региональные резидентуры в других городах, которых вскоре насчитывалось около десяти.

А в 1922 году в Пекин в качестве советника советской дипломатической миссии прибыл Яков Христофорович Давтян, первый начальник ИНО ВЧК, который стал главным резидентом в Китае и оставался в Пекине до конца 1924 года. Уже вскоре после своего прибытия в Китай Давтян писал начальнику ИНО Мееру Абрамовичу Трилиссеру:

«Я очень рад, что дальневосточным делам в Москве стали придавать большое значение. Работа здесь весьма интересная, захватывающая, огромная, но очень трудная, сложная, чрезвычайно ответственная. Отдаленность Москвы, плохая связь все больше осложняет здесь нашу работу... Я никогда, даже в ИНО, так много не работал, как здесь, и никогда мне не стоило это таких нервов.

Несколько слов о специальной работе. Она идет хорошо. Если вы следите за присылаемыми материалами, то видите, что я успел охватить почти весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем, смело могу сказать, что

ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не остается для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно.

Великолепно работает шанхайский аппарат... Недурно работает маньчжурский аппарат, в частности в Харбине и на станции Пограничной. К сожалению, харбинский резидент до сих пор подчинен Чите и Владивостоку. Я считаю это ошибкой и полагаю необходимой полную централизацию у меня. Организация должна быть одна. Прошу ваших соответствующих распоряжений»⁵⁹.

Однако предложения Давтяна о централизации разведывательной работы в Китае остались без ответа. Но, несмотря на все сложности, ему в короткий срок удалось добиться значительных результатов. Так, в докладе в Центр 11 февраля 1923 года он писал:

«Работу я сильно развернул... Уже теперь приличная агентура в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене. Ставлю серьезный аппарат в Харбине. Есть надежда проникнуть в японскую разведку...

Мы установили очень крупную агентуру в Чанчуне. Два лица, которые будут работать у нас, связаны с японцами и русской белогвардейщиной. Ожидаю много интересного»⁶⁰.

Надежды Давтяна во многом оправдались. Так, вскоре мукденская резидентура с помощью агентов в японских спецслужбах добыла архив белогвардейской контрразведки на Дальнем Востоке. Эти важные документы были сразу переправлены в Москву с сопроводительным письмом Давтяна, в котором он просил, чтобы архив не был «замаринован», а в полной мере использовался в борьбе с белогвардейской агентурой в СССР.

В 1926 году чекистами в Маньчжурии был захвачен и вывезен на территорию СССР белогвардейский полковник Ктиторов. Чуть позднее в районе Мулинских копей в Восточной Маньчжурии с помощью агентов-хунхузов были захвачены или убиты полковник Жилинский, А. А. Рудых, «партизаны» (так называли себя белобандиты, периодически проникавшие на территорию СССР) Овечкин-Петров и Понявкин. Позже в том же районе убиты «партизаны» Синев, Стрелков, Шошлов, Рудых-младший и другие.

Большую работу против белоэмигрантов в 20-е годы проводила и харбинская резидентура ИНО ОГПУ. В 1922 году ее сотрудники завербовали подполковника Белой армии Сергея Михайловича Филиппова, который поставлял информацию об антисоветской деятельности военного отдела Харбинского монархического центра. Во главе этого центра стояли бывший царский генерал Кузьмин и профессиональный контрразведчик полковник Жадвойн. С помощью Филиппова дальневосточные чекисты смогли разгромить несколько белогвардейских банд, пытавшихся проникнуть на территорию СССР. Также был ликвидирован так называемый «Таежный штаб» – подпольная белогвардейская организация в Приморье, которая проводила террористические акты по заданиям военного отдела Харбинского монархического центра и японской разведки.

В 1924 году резидентуру ИНО в Харбине возглавил Федор Яковлевич Карин, а его помощником был назначен Василий Михайлович Зарубин.

В это время в резидентуре работали известные впоследствии разведчики Эрих Такке, Юна Пшепелинская (Такке), Василий Пудин и другие. Одним из наиболее активных агентов резидентуры был Иван Трофимович Иванов-Перекрест. Характеризуя его, Зарубин писал: «Перекрест являлся групповодом, занимался вербовкой агентуры. Добывал очень ценные материалы о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии»⁶¹. Именно с помощью И. Иванова-Перекреста харбинская резидентура добыла в 1927 году так называемый меморандум Танаки.

⁵⁹ Всемирная история шпионажа / Авт. – сост. М. И. Умнов. М., 2000. С. 271.

⁶⁰ Очерки истории российской внешней разведки. М., 1996. Т. 2. С. 48.

⁶¹ Там же. С. 254.

В том же 1924 году сотрудником резидентуры Василием Пудиним была завербована дочь бывшего полковника царской армии. С помощью отца, работавшего дворником в японском консульстве в Харбине, ей удалось устроиться горничной в дом одного из японских дипломатов и в дальнейшем передавать Пудину копии важных секретных документов.

Другим каналом получения информации о планах Японии стала почта, куда были внедрены несколько агентов. С их помощью японская корреспонденция изымалась, вскрывалась, а ее содержимое фотографировалось. Вскоре в связи с увеличением объема добываемых материалов в Харбин из Москвы прибыли два ученых-япониста, которые на месте просматривали документы и отбирали самые важные из них. Отобранные документы переснимались, после чего конверты тщательно запечатывались и отправлялись к адресатам.

На основании анализа материалов, добытых резидентурой путем перлюстрации японской почты, Карин в 1925 году направил в Центр доклад, в котором, в частности, говорилось: «Японская военная клика, несомненно отражающая планы своего командования, чрезвычайно наглет и мечтает о войне с Россией. С правой стороны письма на снимке отчетливо видна черная черта. На подлиннике эта черта красная. Важно учесть, что японцы ставят подобную черту только в самых исключительных случаях, когда доверяют бумаге сокровеннейшие свои мысли»⁶². Еще одним ценным агентом харбинской резидентуры был бывший офицер царского Адмиралтейства, служивший на Амурской флотилии, Вячеслав Иванович Пентковский. В 1924 году он сам предложил свои услуги советской разведке, и с этого момента Пентковский и его жена Анна Филипповна Трухина самоотверженно выполняли порученные им задания. Будучи выпускником Петроградской практической восточной академии и юридического факультета университета, а также обладая способностями к языкам, Пентковский смог получить китайское гражданство и даже устроиться на работу в суд города Харбина чиновником. Используя служебное положение, он не только передавал сотрудникам резидентуры важную информацию, но и в 1929 году спас от смерти арестованного китайского генерала, также работавшего на советскую разведку. Однажды, получив доступ к следственным делам, Пентковский заменил изъятые при обыске агентурные сообщения от русских эмигрантов на любовную переписку, взятую из архива. Сами же сообщения были переданы им в резидентуру.

В целом о работе харбинской резидентуры в 20-е годы по Японии можно судить по докладу Карина начальнику ИНО ОГПУ М. Трилиссеру, направленному в Центр в 1925 году:

«Резидентура ИНО ОГПУ в Северной Маньчжурии с центром в Харбине... ведет регулярную и систематическую работу по перлюстрации дипломатических и других секретных почт целого ряда японских учреждений. Японский Генеральный штаб, военные японские миссии в Китае, японские армии: в Квантунской области (Порт-Артур), Корее (Сеул), Китае (Тяньцзинь) и другие вошли в сферу действия нашей разведки».

В начале 20-х годов советско-китайские отношения начали активно развиваться на государственном уровне. 26 января 1923 года Сунь Ятсеном и советским представителем в Китае Адольфом Абрамовичем Иоффе было подписано первое советско-китайское соглашение, после чего для оказания помощи гоминьдановскому правительству в Гуанчжоу (Кантон) была направлена группа советских политических советников под началом Михаила Бородина (Грузенберга). Тогда же Москву посетила делегация Гоминьдана, которую возглавлял Чан Кайши. В результате 31 мая 1924 года в Пекине было подписано соглашение «Об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой», которое было первым равноправным международным соглашением Китая. Несколько позднее, 20 сентября 1924 года, в Мукдене был заключен договор с властями, осуществляющими фактический контроль в Северо-Восточном Китае, ставший частью пекинского соглашения. А уже в конце сентября, согласно достигнутым договоренностям, Советский Союз предоставил Китаю заем в 10 млн

⁶² Карелин Ю. В то время на Дальнем Востоке // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 12.

юаней и начал поставлять оружие для формирующейся Народно-революционной армии Китая. Более того, в октябре 1924 года в Гуанчжоу прибыли первые советские военные советники. Всего же в период с 1924 по 1927 год в Китае работало до 135 советских военных советников, которыми руководили такие известные военачальники, как П. А. Павлов, В. К. Блюхер, А. И. Черепанов и другие.

В 1925 году новым главным резидентом ИНО ОГПУ в Китае вместо отозванного в 1924 году Якова Давтяна был назначен Сергей Вележев. В Пекине он действовал под псевдонимом Ведерников.

Тогда же при пекинской резидентуре было образовано представительство КРО ОГПУ, которое возглавил Сергей Лихаренко. В этот период большое значение приобрела шанхайская резидентура. Возглавлял ее с 1922 года *С. Л. Вильде*, работавший под «крышей» советского консульства. Его заместителем в 1925–1927 годах был Наум Эйтингон. Сотрудники резидентуры оказывали большую помощь прибывавшим в Гуанчжоу советским военным советникам, а также добывали необходимую для Народно-революционной армии информацию. Интересно отметить, что в шанхайской резидентуре в 1926–1927 годах под прикрытием должности коменданта консульства работал Рудольф Абель, чьим именем в 1957 году воспользовался арестованный в США разведчик-нелегал Вильям Фишер.

Значительную помощь гоминьдановскому правительству в борьбе за объединение Китая оказывали и сотрудники внешней разведки, работавшие в Монголии в качестве инструкторов государственной внутренней охраны (ГВО) МНР и одновременно руководившие разведкой в Тибете, Внутренней Монголии и Северном Китае. Так, главный инструктор ГВО в 1926–1927 годах Яков Блюмкин при содействии монгольских разведчиков создал резидентуры в Хайларе (Внутренняя Монголия), Кобдо (Синьцзян) и Калгане (Северный Китай). А в январе 1927 года он получил задание Центра организовать поездку к генералу Фэн Юйсяну, который объявил себя сторонником Сунь Ятсена.

В это время армия Фэн Юйсяна вела тяжелые оборонительные бои с наступающими войсками северных милитаристов, и поэтому Блюмкин решил сам отправиться к нему. После тяжелого и опасного пути через безлюдную, занесенную снегом пустыню Гоби отряд Блюмкина в феврале 1927 года прибыл в Баотоу, где размещался штаб Фэн Юйсяна. Там Блюмкин оставался около месяца, собирая необходимую Центру информацию и оказывая Фэн Юйсяну помощь в организации разведки и контрразведки.

Однако во второй половине 20-х годов кремлевское руководство во главе со Сталиным после реорганизации в 1923–1924 годах Гоминьдана, вступления в него коммунистов и смерти 12 марта 1925 года Сунь Ятсена стало настаивать на ускорении китайской революции. При этом главной задачей считалось направить Китай на «социалистические рельсы». Но такая близорукая политика привела к печальным результатам. В марте 1927 года Бородин, следуя указаниям из Москвы, предпринял попытку сместить главнокомандующего китайской армией Чан Кайши. По его указанию в Шанхае под руководством КПК началось формирование отрядов китайской Красной гвардии с целью организации вооруженного восстания, провозглашения революционного правительства и создания китайской Красной армии.

Но планы Бородина практически сразу стали известны Чан Кайши, и он немедленно предпринял наступление на Шанхай. 12 апреля 1927 года Шанхай был взят его войсками, начавшееся было восстание потоплено в крови, а 28 апреля были арестованы и казнены 25 функционеров КПК. После этого собравшиеся в Нанкине лидеры Гоминьдана создали новое правительство во главе с Ху Ханмином. Впрочем, фактическим главой нового гоминьдановского режима стал Чан Кайши, с ноября 1928 по январь 1932 года занимавший пост премьер-министра и сохранивший за собой должность главнокомандующего армией.

В результате этих событий советско-китайские отношения резко ухудшились. В апреле 1927 года по указанию Чан Кайши был проведен обыск в советском консульстве в Пекине,

который нанес сильный удар по позициям советской разведки в Китае. В ходе обыска полиция изъяла большое количество документов, в том числе шифры, списки агентуры и поставок оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи советским представителям в разведработе. Обострилась и обстановка в Маньчжурии в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а против сотрудников советского консульства в Харбине постоянно устраивались провокации. Фактический правитель северо-восточных провинций Китая генерал Чжан Цзолинь, с 1918 года державшийся у власти, играя на противоречивых интересах в Маньчжурии СССР, Японии и правительства Гоминьдана, был крайне обозлен деятельностью Бородин в 1927 году. Он занял откровенно прояпонскую позицию, а нормальное функционирование КВЖД было поставлено под угрозу из-за постоянных провокаций против советских служащих.

В 1928 году сотрудниками харбинской резидентуры, которой с 1927 по 1929 год руководил Наум Эйтингон, были добыты материалы о переговорах союзника Чжан Цзолиня, лидера фынтяньской (мукденской) группы «провинциальных милитаристов» Чжан Сюэляна с японцами, целью которых было создание в Северо-Восточном Китае Независимой Маньчжурской республики на следующих условиях:

- 1) на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии образуется под протекторатом Японии буферное государство под названием Независимая Маньчжурская республика;
- 2) Япония берет на себя обязательство содействовать включению в новое буферное государство Внешней Монголии;
- 3) новое маньчжурское государство отказывается от активных действий против правительства собственно Китая, но одновременно обязуется бороться против коммунистического движения;
- 4) новое маньчжурское правительство обязуется вести агрессивную политику в отношении интересов СССР в Северной Маньчжурии.

В случае отказа Чжан Сюэляна от этих предложений японцы угрожали создать в Маньчжурии такую политическую и экономическую ситуацию, которая приведет к ее оккупации японской армией⁶³.

Такое положение дел в Маньчжурии сильно обеспокоило советское руководство. Существует версия, что в 1928 году в Кремле приняли решение ликвидировать Чжан Цзолиня. Проведение этой операции было поручено Науму Эйтингону и руководителю нелегальной резидентуры Разведупра РККА в Харбине Христофору Салныню. Самым сложным в этой операции было то, что все подозрения в случившемся должны были пасть на японцев.

4 июня 1928 года на железнодорожном перегоне Пекин – Харбин специальный вагон, в котором ехал Чжан Цзолинь, был взорван. Взрывчатка была заложена в виадуке Южно-Маньчжурской железной дороги около Мукдена. Чжан Цзолинь был тяжело ранен в грудь и через несколько часов скончался в мукденском госпитале. Кроме него во время взрыва погибло еще 17 человек, в том числе и генерал У Цзяншен. В связи с тем что железнодорожный узел на стыке Пекин-Мукденской и Южно-Маньчжурской железных дорог вблизи Мукдена охранялся не китайскими, а японскими солдатами, все посчитали, что покушение было организовано японцами. Более того, называли даже имя японского офицера, который привел в действие электрический детонатор, – майор Томи.

Однако ликвидация Чжан Цзолиня не привела к изменению ситуации в Маньчжурии. 27 мая 1929 года китайскими властями был произведен незаконный обыск в советском консульстве в Харбине, а провокации на КВЖД только участились. В результате 17 июля 1929 года советское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с гоминьдановским

⁶³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 215–216.

правительством. После этого легальные резидентуры ИНО и военной разведки в Китае фактически прекратили свою деятельность.

В августе 1929 года глава нанкинского правительства Чан Кайши и правитель Северного Китая Чжан Сюэлян начали, подготовку к прямому вооруженному конфликту с СССР. Не видя другого выхода, советское руководство поручило командующему Особой Дальневосточной армии В.К. Блюхеру разгромить китайские войска. 12 октября 1929 года войска под командованием Блюхера перешли в наступление и разбили противника. А уже 22 декабря 1929 года был подписан Хабаровский протокол, восстановивший существовавшее ранее на КВЖД положение.

Во время конфликта на КВЖД сотрудники внешней разведки сделали все от них зависящее, чтобы помочь частям Красной Армии. Очень важную информацию, в это время добывала харбинская резидентура ИНО ОГПУ, которой с 1929 по 1930 год руководил Василий Петрович Роцин.

Кроме того, в 1928–1931 годах в Маньчжурии весьма успешно работала нелегальная резидентура разведотдела полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю во главе с Борисом Богдановым. После возвращения Богданова в Хабаровск в его аттестации было сказано следующее: «Богданов выдержан, умеет владеть собой и в сложных, неожиданных ситуациях. В период конфликта на КВЖД в условиях закордона, рискуя собой, сумел обеспечить работу подчиненного ему аппарата. Является хорошим востоковедом. Энергичный, любит свое дело и честно относится к нему»⁶⁴.

18 сентября 1931 года на Южно-Маньчжурской железной дороге, принадлежавшей Японии, произошел взрыв, послуживший поводом для вторжения японской армии в Северный Китай. В результате этой агрессии Маньчжурия была оккупирована японцами, а на ее территории создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, номинальным главою которого стал Айснцзэро Пу И, последний представитель китайской императорской династии Цинь. Таким образом, планы Японии, о которых советской разведке стало известно еще в 1928 году, осуществились. А выдвижение японской Квантунской армии к границам СССР и отказ Японии в декабре 1931 года от предложения советского правительства подписать японо-советский пакт о ненападении заставили резидентуру внешней разведки в Китае и разведывательный отдел Восточно-Сибирского полпредства ОГПУ активизировать работу по сбору сведений о военно-политических планах кабинета премьер-министра Танаки, а также усилить деятельность по нейтрализации белогвардейской эмиграции. Так, в директиве ИНО ОГПУ, направленной в резидентуры на Дальнем Востоке, в частности, говорилось:

«Желательно получать от вас периодические краткие обзоры настроений и планов белогвардейских группировок. Вскрываются посредством более глубокого анализа действительную подоплеку тех или других мероприятий «белых воюющих», специально заостряя внимание на командирах-партизанах, учитывая их конкретную работу по подготовке диверсионных и террористических актов... Выявляйте нити связи с Европой – какие оттуда поступают директивы, кто заинтересован в их осуществлении и т. д. Всегда надо пытаться выяснить, кто стоит за спиной той или иной белой группировки. Надо выявлять среди враждебно настроенной белой эмиграции английскую, французскую и особенно японскую агентуру»⁶⁵.

Практически все положения этой директивы вскоре были воплощены в жизнь. В 1931 году на территории Маньчжурии сотрудниками разведотдела Восточно-Сибирского полпредства ОГПУ был захвачен и выведен в СССР крупный монгольский политический деятель Мэрсэ (Го Даофу). С начала 20-х годов он являлся лидером так называемого Движения молодых монголов и даже входил в руководство Профинтерна. Возглавлявшаяся им Народно-

⁶⁴ Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2.

⁶⁵ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 223.

революционная партия Внутренней Монголии при поддержке властей Монгольской Народной Республики периодически устраивала вооруженные выступления. Однако в конце 20-х годов Мэрсэ вошел в состав гоминьдановского Комитета по делам Монголии и Тибета, а после оккупации японцами Барги вновь сменил хозяев, став сторонником японцев. Тогда нелегальная резидентура Дальневосточного полпредства ОГПУ в Маньчжурии, которой руководил Николай Шилов (Кук), провела спецоперацию по нейтрализации Мэрсэ. Косвенным результатом этой операции стало снятие с поста руководителя японской разведки в Маньчжурии полковника Уэда. А на следующий год Шилов провел очередную операцию, в результате которой китайскими властями был арестован японский агент Ушаков. Его показания были опубликованы в зарубежной печати и изобличали попытки японской разведки использовать военные формирования белой эмиграции против СССР. К сожалению, в 1933 году в резидентуре Шилова произошел провал. И хотя ему удалось вывести из-под удара большую часть агентуры, два его помощника, Ястребов и Курков, снабжавшие советскую разведку документами японской военной миссии, были арестованы и погибли при допросах.

В 1932 году красные партизаны и хунхузы, действующие на китайской территории, разгромили отряд белогвардейского «Братства Русской Правды» во главе с И. Стрельниковым близ станции Эхо. Из всего отряда спасся лишь один человек. В декабре 1932 года был убит руководитель Дальневосточного отдела все того же «Братства Русской Правды» полковник Горбунов, после чего деятельность этой организации сошла на нет.

В 1932 году разведотдел Восточно-Сибирского полпредства ОГПУ, который возглавлял Борис Гудзь, начал проводить операцию «Мечтатели» (так называли белых эмигрантов, мечтавших о свержении советской власти). Разведчиками была создана мнимая подпольная антисоветская организация, роль связного в ней выполнял ничего не подозревающий сын репрессированного священника. Через бывшего белого генерала Лапшакова, который лояльно относился к советской власти, разведчики вышли на его брата, одного из руководителей белой эмиграции в Маньчжурии полковника Кобылкина. Вскоре через границу в адрес псевдоподполья начали поступать деньги, оружие и антисоветская литература. А затем через «окно» на территорию СССР попыталась проникнуть вооруженная группа во главе с Кобылкиным, которая была немедленно уничтожена. В 1933 году сотрудники Гудзя провели дерзкую операцию на территории Маньчжурии. Группой советских бурят – агентов ОГПУ – во время вспыхнувшего на территории Китая очередного восстания был выкраден и вывезен на территорию СССР соратник атамана Семенова полковник Топхаев. А в августе 1935 года в Трехречье был убит ближайший помощник Семенова генерал Тирбах и ликвидированы действующие на советской территории фашистские группы Сорокина и Комиссарова.

Не менее активно действовали разведчики полпредства и против японцев. В начале 30-х годов ими была начата операция «Маки-Мираж», направленная против резидентуры японской разведки, действовавшей в Маньчжурии. При этом, как ни странно, чекисты воспользовались составленной полковником японского генерального штаба Кандо Масатано инструкцией «План подрывной деятельности японских разведорганов против СССР», в которой, в частности, говорилось: «В том случае, если нельзя будет устроить официальные разведорганы, необходимо отправлять в Россию японских разведчиков под видом дипломатических чиновников. Если же и это будет невозможно, то тогда нужно будет отправлять переодетых офицеров на территорию СССР». Военным агентам, забрасываемым на территорию СССР, предписывалось: «Изучать особые организации, общества и отдельных видных лиц, которых можно использовать для получения разведывательной информации, пропаганды и подрывной деятельности»⁶⁶.

Для проведения операции «Маки-Мираж» в 1931 году в маньчжурский город Саха-лян был направлен сотрудник разведотдела полпредства ОГПУ по ДВК Владимир Нейман

⁶⁶ Гудзь Б. Сталин обдурил нас всех. Воспоминания разведчика // Continent. 1992. № 12.

(Василий). Чуть позднее его помощник Летов, находившийся в Сахалине в качестве разъездного агента «Дальгосторга», вступил в контакт с резидентом японской военной разведки Кумазавай. Вскоре Кумазава пришел к выводу, что перед ним недолюбливающий советскую власть субъект, которого есть смысл использовать в разведывательной работе на территории СССР. «Завербованный» Кумазавай Летов, получивший псевдоним Старик, разыскивал знакомых японского резидента, с которыми была потеряна связь, собирал информацию о воинских гарнизонах Хабаровска и Благовещенска, а также поставлял японской разведке дезинформацию от имени некоего Прозорова, командира взвода 6-го Волочаевского полка. Кумазава был настолько доволен Летовым, что ввел его в свой дом и даже делился с ним своими планами и указаниями генштаба, чтобы Старик тоже думал, как их лучше выполнить. Через некоторое время Прозорова «перевели» в Николаевск-на-Амуре, и Кумазава попросил Летова подыскать другого агента. Летов с этим поручением справился и «завербовал» для японцев сотрудника штаба ОКДВА, который прокутил с женщинами несколько тысяч казенных денег. Так у японской разведки появился новый агент под кличкой Большой Корреспондент, через которого хабаровские чекисты направляли тщательно подготовленную дезинформацию. А для того чтобы у японцев не возникло подозрений относительно Старика и Большого Корреспондента, одновременно с операцией «Маки-Мираж» была начата операция «Весна»: при помощи агента разведотдела Никитиной, проживавшей в Маньчжурии, в японские спецслужбы направлялась информация, подтверждавшая достоверность сообщений Большого Корреспондента. В 1934 году Нейман вернулся в Хабаровск. А через некоторое время в его личном деле появилась запись: «Провел разработку «Маки», давшую очень приличные результаты. Организовал выемку документов в японской военной миссии». Что же касается Летова и Большого Корреспондента, то они еще долго вводили в заблуждение японскую разведку. А всего во время проведения операции «Маки-Мираж» было обезврежено около 200 японских агентов⁶⁷.

Большую работу по выявлению намерений японской военщины проводила и харбинская резидентура ИНО ОГПУ. В 1932–1935 годах ею руководил Освальд Янович Нодев, которому помогали часто приезжавшие в Харбин бывший начальник ИНО Меер Абрамович Трилиссер и Сергей Михайлович Шпигельглаз. К 1932 году на связи у резидентуры находилось несколько ценных агентов, среди которых следует выделить Осипова, Фридриха и Брауна.

Осипов, проживающий в Маньчжурии с 1923 года, был завербован в 1928 году и при помощи резидентуры устроился на работу в японскую жандармерию шофером. В дальнейшем, зарекомендовав себя лояльным и исполнительным работником, он стал сотрудником особого (политического) отдела жандармерии, работавшего против советских учреждений. В 1929 году при помощи Осипова сотрудникам резидентуры удалось подбросить японцам документы, из которых следовало, что, дескать, их агенты Шапакидзе, Карнауха, Голубев, Чистохин, Шабалин и другие (всего около 20 человек) подали заявление о восстановлении их в советском гражданстве. В результате все они были ликвидированы самими японцами. В 1932 году Осипов близко сошелся с начальником жандармерии полковником Сасо, что позволило ему добывать материалы о противоречиях в кругах белой эмиграции. Летом 1936 года Осипов был вместе с полковником Сасо переведен в Тяньцзинь, где продолжил свою работу.

О деятельности Осипова можно судить по докладу резидентуры в Центр в 1936 году, в котором говорилось: «Положение Осипова в местной японской разведке укрепились настолько, что вся работа полковника Сасо по белым, советским и иностранцам проходит сейчас через руки нашего помощника»⁶⁸. К сожалению, связь с Осиповым прервалась в 1938 году и больше не восстанавливалась. А в 1945 году во время боевых действий в центральном районе Китая Осипов погиб.

⁶⁷ Николаев С. Грязная работа ФБР // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 6.

⁶⁸ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 228.

Фридрих, бывший сначала офицером колчаковской армии, а затем одного из подразделений генерала Каппеля, появился в Маньчжурии в 1926 году. Будучи работником особого отдела жандармерии в Харбине, Фридрих в 1929 году предупредил сотрудников советского консульства о предстоящем налете на него китайской полиции. А с 1930 года он стал сотрудничать с советской разведкой на постоянной основе. От него резидентура регулярно получала информацию о засылке японцами агентуры на территорию СССР, подготовке японцами и белоэмигрантами враждебных акций против советских учреждений в Маньчжурии, создании фашистской партией группы боевиков для совершения террористических актов против советских представителей в Китае. В 1936 году Фридрих был арестован японцами по подозрению в связях с советской разведкой. Однако на допросах он категорически отрицал предъявленные ему обвинения и вскоре был отпущен на свободу. После освобождения Фридриха сотрудники харбинской резидентуры вывели его сначала в Тяньцзинь, а потом в Шанхай.

Браун, бывший офицер-каппелевец и полковник китайской армии, обосновался в Харбине в 1923 году, а в 1927 году был завербован советской разведкой. Он активно работал в белоэмигрантских организациях «Братство Русской Правды», «Дружина русских соколов», РОВС и других и пользовался среди их руководства уважением. Благодаря этому обстоятельству от него в резидентуру поступала информация о деятельности этих организаций, а также о попытках японцев сформировать при помощи атамана Семенова казачьи части для будущей войны против СССР. В августе 1933 года от Брауна поступила информация о том, что в июле в Харбине побывал полковник оперативного отдела японского Генштаба, активный сторонник партии войны Исимото. В разговорах Исимото утверждал, что военная партия категорически настаивает на военной демонстрации против СССР в ближайшее время. Кроме того, Браун сообщил, что, будучи в Харбине, Исимото занимался разработкой плана военной кампании в Монголии против Советского Союза.

В 1932 году харбинская резидентура получила еще одного ценного агента. Им стал Хироси Отэ (Абэ), офицер японский контрразведки, в 1927 году завербованный сотрудниками резидентуры ИНО в Сеуле. В Харбине в служебные обязанности Отэ входило: сбор политической информации и составление разведывательных докладов для командования Квантунской армии, обработка сообщений русской агентуры, поддержание связи с японской военной миссией и полицией, работа с белоэмигрантскими организациями, обеспечение в Маньчжурии агентуры и разведывательных групп, забрасываемых в СССР.

Отэ передавал своему оператору Новаку информацию о японской агентуре и ее работе против советских учреждений в Маньчжурии, о формировании воинских отрядов из русских эмигрантов, о советских гражданах, за которыми установлена слежка. Кроме того, он сообщал о фактах перевербовки японцами агентов резидентуры из числа китайцев, а однажды предупредил о том, что японцы завербовали сотрудника резидентуры советской военной разведки, что помогло сорвать подготавливаемую японцами провокацию. Также с помощью Отэ была получена документальная информация о прибытии и размещении в Маньчжурии японских войск, их вооружении и техническом оснащении и готовности к военным действиям против СССР.

В 1935 году, давая характеристику Отэ и оценивая его работу, находившийся в Харбине Трилиссер докладывал в Москву:

«Очень неглуп, ловок, изворотлив, требует серьезного к себе отношения. Работает с нами по двум мотивам – деньги и авантюризм. В сохранении связи с нами в данное время очень заинтересован отчасти в силу привычки, а главное потому, что нужны деньги для многочисленной родни. В смысле конспирации часто крайне неосторожен. Любит, когда внимательно относятся к его личным делам... Очень умело завязывает связи в японских учреждениях, и в этом отношении от него можно добиться результатов...»

Дает ценный информационный и документальный материал по жандармерии, японской военной миссии и работе белоэмигрантов... Этот наиболее ценный среди японцев источник долгое время был единственным нашим японским агентом»⁶⁹.

Действовали в это время в Китае и разведчики-нелегалы. Так, в октябре 1930 года в Маньчжурию под видом русского эмигранта вместе с женой Александрой был направлен уже упоминавшийся Рудольф Абель. Для такой легенды были все основания. Дело в том, что брат и сестра жены Абеля Григорий и Нина Стокалич в 1919 году эмигрировали в Китай, в город Тиньзян. В этой долгосрочной командировке, подробности которой до сих пор неизвестны, Абель находился до осени 1936 года, после чего вернулся в Москву.

С 1933 по 1935 год работал в Китае Исхак Абдулович Ахмеров. Он прибыл в Пекин под видом студента-востоковеда, гражданина Турции. Два года он обучался в американском колледже и занимался разработкой представителей иностранных колоний в Китае.

В 1934 году из США в Китай был направлен разведчик-нелегал Евгений Петрович Мицкевич. Его задачей была организация работы против Японии и белой эмиграции. Обосновавшись в Маньчжурии, он создал оперативную группу, которая успешно пресекала деятельность белогвардейских вооруженных формирований, совершавших нападения на территорию СССР из Северного Китая. В Маньчжурии Мицкевич находился до 1937 года, после чего вернулся в США, а оттуда в СССР.

Действовали разведчики-нелегалы и в других районах Китая. Так, с 1934 по 1939 год нелегальным резидентом в Шанхае был Самуил Маркович Перевозников, сотрудник знаменитой «группы Яши». Его задачей было создание глубоко законспирированных резидентур на случай начала войны с Японией.

Разумеется, нельзя утверждать, что деятельность советской разведки в Китае состояла только из одних успехов. К сожалению, случались и провалы. Так, в 1935 году в Ханькоу был арестован нелегальный резидент советской военной разведки Яков Бронин, которого суд приговорил к 15 годам тюрьмы. После этого резидент Разведупра в Шанхае Абрам Гартман и легальный шанхайский резидент ИНО НКВД Эммануил Куцин попытались освободить Я. Бронина путем подкупа начальника тюрьмы. Однако операция провалилась. Более того, полицией был арестован агент ИНО НКВД Найдис, который должен был передать начальнику тюрьмы деньги. В результате Куцин и Гартман были вынуждены покинуть Китай. Что же касается Бронина, то в декабре 1937 года его обменяли на арестованного в Свердловске сына Чан Кайши Цзян Цзынго.

7 июля 1937 года японские войска спровоцировали вооруженный инцидент с китайскими частями у моста Лугоу, около Пекина, что послужило поводом для начала боевых действий. Начало наступления японской армии в глубь Китая и захват 28 июля Пекина, а 30 июля Тяньцзиня заставило правительство Чан Кайши, перебравшееся к тому времени в город Чунцин, пересмотреть свое отношение к сделанному еще в 1933 году Москвой предложению заключить между СССР и Китаем пакт о ненападении, а также к предложению КПК заключить союз для совместного отражения японской агрессии. Впрочем, в отношении союза с КПК у Чан Кайши не было особого выбора. Дело в том, что в декабре 1936 года разведка КПК провела в Сиане (провинция Шэньси) тщательно подготовленную операцию, в ходе которой влиятельные гоминьдановские генералы Чжан Сюэлян и Ян Сюйчен предложили своему главнокомандующему заключить союз с КПК для совместных действий против японских войск. А когда 12 декабря Чан Кайши решительно отверг это предложение, генералы арестовали его и предложили Мао Цзэду провести переговоры с пленным Чан Кайши, чтобы силой заставить его дать согласие на альянс Гоминьдана с КПК. Безусловно, данная операция проводилась с ведома

⁶⁹ Пешерский В. Сокровище по имени Отэ // Новое время. 1995. № 13.

руководства СССР и под контролем советской разведки. Об этом свидетельствует следующая телеграмма лидерам КПК, составленная лично Сталиным:

«Приписать «сианьское дело» проискам японских секретных служб, которые якобы действовали в окружении Чжан Сюэяна, чтобы ослабить Китай. Возродить идею антияпонского национального фронта, а главное – во что бы то ни стало добиться освобождения Чан Кайши, который может возглавить желательный для нас союз»⁷⁰.

В результате между Чан Кайши и представителем КПК Чжоу Эньлаем состоялись переговоры, на которых было достигнуто соглашение о временном прекращении огня, после чего 25 декабря генералиссимус был освобожден.

Так или иначе, но 21 августа 1937 года между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении, а в сентябре 1937 года руководство Гоминьдана приняло решение о прекращении гражданской войны и создании в союзе с КПК антияпонского национального фронта. Тогда же части китайской Красной армии были переименованы в 8-ю армию Национально-революционной армии Китая (с начала 1938 года – 18-я армейская группа). Вслед за этим уже 14 сентября 1937 года между СССР и центральным китайским правительством была достигнута договоренность о поставках в Китай советского оружия. Правда, при этом оговаривалось, что оружие и военные материалы будут поставляться только Чан Кайши и ни в коем случае Временному революционному правительству Мао Цзэдуна.

Серьезность намерений Чан Кайши начать решительную борьбу против Японии была подтверждена сведениями, полученными советской разведкой агентурным путем. Главной резидентурой в Чунцине, возглавляемой в 1937–1939 годах И. Ивановым-Пересветом, было установлено, что Чан Кайши на секретном совещании в октябре 1937 года решительно отверг предложение прояпонской группировки в своем правительстве, возглавляемой Ван Цзинвеем, о заключении мира с Японией на любых условиях, а на совещании высшего руководства 14 декабря 1937 года заявил, что Советский Союз является единственным союзником Китая в войне с Японией, так как надежды на помощь Китаю в борьбе с Японией со стороны Англии и США оказались безосновательными. После этого из правительства были выведены некоторые прояпонски настроенные министры. Вместе с тем Чан Кайши не прекращал попыток найти поддержку со стороны Англии и США, а также добиться нейтралитета Германии и Италии.

В то же время Советский Союз начал оказывать Китаю посильную помощь в борьбе с японскими агрессорами. Поставки советского оружия в Китай начались уже в октябре 1937 года. А 1 марта 1938 года между СССР и Китаем был подписан первый договор о предоставлении китайскому правительству кредита на 50 млн долларов для закупки в СССР военных и других материалов. В соответствии с этим договором в марте 1938 года было подписано три контракта на поставку вооружений, по которым СССР поставил в Китай 287 самолетов, 82 танка, 390 орудий и гаубиц, 1800 пулеметов, 400 автомашин, 360 тыс. снарядов, 10 млн патронов для пулеметов, 10 млн винтовочных патронов и другие военные материалы.

1 июля 1938 года был подписан второй договор о предоставлении советским правительством Китаю кредита (50 млн долларов) для закупки вооружений. Тогда же в рамках этого договора был заключен контракт, по которому в Китай было поставлено 180 самолетов, 300 орудий, 2120 пулеметов, 300 грузовых машин, авиационные моторы и вооружение для самолетов, а также снаряды, патроны и другие военные материалы. А по следующему контракту СССР поставил в Китай 120 самолетов, запасные части и боекомплекты к ним, 83 авиамотора, снаряды, патроны и т. п.

Третий договор о предоставлении Китаю советского кредита (150 млн долларов) для закупки вооружений был подписан 13 июня 1939 года. По первому контракту от 20 июня 1939 года в Китай было поставлено 263 орудия, 4400 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 500 грузовых

⁷⁰ Тень председателя Мао // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 3.

автомашин, около 16,5 тыс. авиабомб, 500 тыс. снарядов, 100 млн патронов и другие материалы. А по следующим трем контрактам, заключенным в соответствии с этим договором, в Китай было направлено более 300 самолетов, 350 грузовых автомашин и тракторов, 250 орудий, 1300 пулеметов, а также большое количество бомб, снарядов, патронов, электрооборудование, штурманское оборудование, горюче-смазочные и другие военные материалы. Все поставки оружия в Китай проходили под контролем Разведупра РККА и ИНО НКВД⁷¹.

Советский Союз также направил на помощь китайскому народу добровольцев, выразивших желание с оружием в руках защищать независимость Китая. Первые добровольцы стали прибывать в Китай с октября 1937 года. Это были прежде всего летчики, которые в первый период военных действий приняли на себя удары японских ВВС. А общее руководство действиями советских добровольцев и военными советниками осуществлялось аппаратом главного военного советника, которым с 1937 по 1942 год руководили М. Дратвин, А. Черепанов, К. Качанов и В. Чуйков.

Улучшение советско-китайских отношений и создание общекитайского фронта для борьбы с японскими захватчиками позволило начать сотрудничество между советскими и китайскими спецслужбами. Во время советско-китайских переговоров с советскими представителями начальник 2-го отдела Военного комитета (китайская внутренняя разведка) генерал Чжан Цзолинь поднял вопрос о совместных разведывательных операциях. При этом он внес следующие предложения:

для совместной работы против Японии нелегальные резидентуры китайской и советской разведок в Шанхае будут связаны либо непосредственно, либо через связника;

китайцы станут передавать в Москву перехваченные ими японские шифротелеграммы, с тем чтобы после декодирования получать расшифрованные тексты;

китайская разведка передаст Москве материалы по белой эмиграции и троцкистам, а взамен получит список известных советской разведке японских агентов в Китае.

После тщательного рассмотрения эти предложения были приняты, и в мае 1938 года на паритетных началах было создано Объединенное бюро, куда вошли представители ИНО НКВД, Разведупра РККА и китайской разведки. Руководителем бюро стал генерал Чжан Цзолинь, а его заместителем советский представитель. Организационно Объединенное бюро состояло из трех отделов:

1-й отдел (оперативный) отвечал за организацию агентурной работы, подготовку личного состава и оперативную технику;

2-й отдел (информационный) занимался обработкой полученных материалов;

3-й отдел – хозяйственный.

Расходы на финансирование Объединенного бюро были определены в 20 тыс. долларов, в год, которые распределялись поровну между СССР и Китаем.

Первое время работа Объединенного бюро была весьма плодотворной. Так, от резидентур, действующих в Нинся, Ханькоу, Тяньцзине, Гонконге, Пекине и других городах, были получены сведения о дислокации японских войск, их вооружении, перебросках, подготовке боевых операций и т. д. Но при этом советские оперативные сотрудники отмечали, что в работе китайской разведки имелись серьезные недостатки. Так, слабой была подготовка забрасываемых в тыл противника агентов, а также регулярно нарушались требования конспирации как в самом бюро, так и в резидентурах. Все это приводило к частым провалам.

⁷¹ О поставках советского оружия в Китай см.: Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. Т. 1. С. 244–245, 363–364; Т. 2. С. 20–24, 43, 44, 365, 398; Дубинский А. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945. М., 1977. С. 64, 80–85; Сладковский М. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М., 1984. С. 127–154.

Более того, в период совместной работы китайская сторона предприняла несколько попыток завербовать советских разведчиков. А по прошествии некоторого времени китайцы, ограничив свою деятельность в рамках Объединенного бюро, стали требовать от советских представителей передачи им шифров, средств тайнописи, оперативной техники и т. п. В результате советских сотрудников пришлось отозвать, и в 1940 году Объединенное бюро прекратило свое существование. С этого времени сотрудничество с китайской разведкой носило эпизодический характер⁷².

Продолжая разговор о совместных действиях Китая и СССР против японских агрессоров, необходимо отметить, что советское оружие и военная техника поступала в центральные районы Китая через северо-восточную провинцию Синьцзян. А обстановка в этой провинции, имевшей важное стратегическое положение, богатой полезными ископаемыми и населенной исповедующими ислам уйгурами и дунганами, с начала 20-х годов была очень сложной. Кроме того, после поражения в Гражданской войне в Синьцзяне нашли себе прибежище несколько тысяч солдат и офицеров белогвардейского генерала Дутова, а также басмачи и бежавшие от коллективизации крестьяне из советской Средней Азии. Нанкинский режим же, представленный наместником (дубанем) У Чжунсинем, фактически не контролировал провинцию, о чем советская разведка регулярно информировала Москву.

А в 1932 году ИНО ОГПУ получил данные о намерении Японии отторгнуть Синьцзян от Китая. Японские представители начали активно подталкивать местное население к вооруженным выступлениям против китайцев с требованием предоставления Синьцзяну автономии.

В апреле 1933 года наместник У Чжунсинь, ненавидимый местным населением, был свергнут и власть в столице Синьцзяна Урумчи захватил бывший начальник штаба Синьцзянского военного округа Шен Шицай. Однако и ему не удалось справиться с восставшими уйгурами. Тогда Шен Шицай стал искать пути сближения с Советским Союзом, а в конце 1933 года начал открыто конфликтовать с пекинским правительством. В ответ в Синьцзян была введена 36-я китайская дивизия, целиком состоящая из мусульман-дунган, что заставило Шен Шицая обратиться за военной помощью к СССР.

Советское руководство, опасаясь появления у границ СССР нового марионеточного государства под протекторатом Токио, как это случилось в Маньчжурии, в начале 1934 года решило оказать Шен Шицаю поддержку и ввело в Синьцзян свои войска. Кроме того, Шен Шицаю были переданы около 10 тыс. китайских солдат и офицеров, вытесненных японцами из Маньчжурии и интернированных в СССР. Из них была сформирована так называемая Алтайская добровольческая армия, куда кроме китайских отрядов и советских войск вошел и русский полк полковника Паппенгута, состоящий из бывших солдат генерала Дутова. В ходе боев 36-я дивизия была разгромлена и отступила на юг, в округ Хотан, после чего урумчинское правительство (УРПРА) смогло перевести дух.

Но до полного спокойствия в Синьцзяне было еще далеко. Некоторое представление о положении в провинции может дать донесение разведотдела Среднеазиатского военного округа, датированное декабрем 1935 года, в котором говорилось:

«Положение Синьцзяна характеризуется враждебными отношениями двух военных группировок – Урумчинского правительства и 36-й дунганской дивизии, распространившей свою власть на Хотанский округ. 36-я дивизия пришла из провинции Ганьсу. После поражения у Урумчи и неудачных боев в других округах в мае 1934 г. вынуждена была отойти на юг, а ее командир после переговоров интернировался в СССР. К моменту отхода в Хотан дивизия насчитывала около 6 тыс. человек, 20–25 пулеметов и 10–12 старых пушек. За время своего пребывания в Хотанском округе дивизия основательно ограбила округ поборами и налогами. Этим она вызвала недовольство населения (уйгуры составляют абсолютное большинство).

⁷² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 219–220.

В командовании дивизии несколько группировок (по вопросу оставления Хотана и возвращения в Ганьсу). Тем не менее дивизия остается боеспособной и может противостоять силам УРПРА. С мая с. г. начались переговоры УРПРА с дивизией. Они окончились безрезультатно. Дивизия не хочет уступать в каких-либо вопросах и продолжает независимое существование...

Положение УРПРА за 1935 г. заметно укрепилось. Разоренное в результате войны сельское хозяйство восстанавливается, заметно оживление торговли. Благодаря предоставлению политических прав уйгурам, монголам и казахам национальные противоречия ослаблены. Вместе с тем уйгурское национальное движение усиливается. Идея независимого Уйгурстана продолжает занимать важное место в головах многих уйгурских руководителей, даже сторонников УРПРА...

Несмотря на увеличение жалования, обеспечение армии УРПРА нищенское, паек дает лишь около 100 калорий. Казармы не оборудованы, без постельных принадлежностей. Все солдаты – вшивые. В армии имеется около 16 тыс. винтовок, 107 ручных и 130 станковых пулеметов, 50 орудий (большой частью неисправны), 6 бронемашин и 6 самолетов. Оставленные «алтайцами» горные пушки и бронемашины без ремонта к бою непригодны...

В настоящее время удовлетворяется военный заказ УРПРА, заменяются самолеты, требующие ремонта, на новые. Кроме того, будет поставлено еще семь У-2 и Р-5, 2000 английских винтовок, 15 станковых и 30 ручных пулеметов, 4 бронемашины ФАИ. Снарядов – 5000 шт., патронов – 9 млн шт. Для поднятия боеспособности войск были приглашены командиры из частей РККА и НКВД. Сейчас их насчитывается 28 человек, из них 15 подлежат замене»⁷³.

Ввод советских войск в Синьцзян и упрочение власти там просоветски настроенного Шен Шицая вызвал болезненную реакцию со стороны Англии. Поэтому после вывода советских войск из Синьцзяна уйгурские сепаратисты, поддерживаемые Англией и Японией, вновь подняли голову. В 1936 году английскими спецслужбами была предпринята попытка отторжения Синьцзяна от Китая. Однако сотрудники резидентуры ИНО НКВД в Урумчи своевременно вскрыли заговор панисламистской организации, благодаря чему китайским властям удалось его ликвидировать.

Однако англичане не успокоились и в 1939 году начали готовить восстание одного из полков, состоящего из киргизов. Но благодаря советской разведке и этот заговор удалось ликвидировать. Более того, на основании добытых материалов была доказана причастность к заговору секретаря и нескольких сотрудников английского консульства в Кашгаре, которым пришлось срочно покинуть Синьцзян.

Гораздо более активно и успешно действовали в Синьцзяне японские спецслужбы. Они постоянно засылали в Синьцзян агентуру из мусульман и русских эмигрантов, призывали местное население вести борьбу с правительством Шен Шицая, провоцировали воинские части, состоящие из уйгуров, к вооруженному мятежу.

В результате в конце 1936 года в Синьцзяне опять разгорелось восстание. Его при поддержке англичан и японцев поднял бывший командир 6-й уйгурской дивизии Мамут Сиджан, не веривший в помощь уйгурам со стороны СССР и утверждавший, что Москва поддерживает только китайцев. В конце марта 1937 года восставшие во главе с Мамутом Сиджаном вступили в крепость Янги-Гиссар, а к июлю овладели городами Меркет и Файзабад. Закрепившись там, они начали агитацию среди местного населения под лозунгом «Война за ислам, против урумчинского правительства и влияния СССР в Синьцзяне». При этом мятежники получали помощь не только от англичан и японцев, стремившихся создать «независимое исламское государство» на юге Синьцзяна, но и от командира 36-й дунганской дивизии Ма Хуншаня и начальника его штаба Бай Цзыля, которые направляли им оружие, боеприпасы и продовольствие.

⁷³ Аптекарь П. Новые тайны старых преступлений // Московские новости. 1997. №9 40.

Вскоре положение осложнилось настолько, что Шен Шицай был вынужден вновь обратиться за помощью к СССР. 9 июля 1937 года, через два дня после начала японского наступления в Китае, советские войска снова вступили в Синьцзян, после чего войска уйгурских и дунганских сепаратистов были разгромлены. При этом большую помощь частям Красной Армии и войскам урумчинского правительства оказывали сотрудники советской внешней разведки. Так, ими была проведена операция по дискредитации Ма Хуншаня и его окружения, действовавших по указке японцев. В результате к 12 октября 1937 года пехотная бригада 36-й дивизии перешла на сторону правительственных войск, а сам Ма Хуншань с небольшой колонной награбленного у населения добра бежал в Индию под крыло англичан. В это же время сотрудникам резидентуры ИНО в Урумчи удалось раскрыть заговор, направленный против Шен Шицай.

К началу 1938 года обстановку в Синьцзяне удалось стабилизировать. Кроме того, из белоэмигрантов и казаков, которым обещали возвращение на родину, была создана дивизия под командованием генерала Бехтерева, которая помогала поддерживать порядок в регионе. А в городах Синьцзяна Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ, Хами, Кашгаре, Хотане и Аксу были образованы легальные резидентуры ИНО НКВД. Их сотрудники не только пресекали попытки японской и английской агентуры дестабилизировать положение в Синьцзяне, но и контролировали строительство и функционирование шоссе от Алма-Аты до контролируемых войсками Чан Кайши территорий, по которому шло снабжение антияпонских сил в Китае. Что касается советских войск, то они по просьбе китайского правительства оставались в Синьцзяне до 1948 года.

Во второй половине 30-х резидентуры ИНО НКВД в Китае уделяли самое пристальное внимание вооруженным силам Японии, и особенно частям Квантунской армии, расположенной непосредственно у дальневосточных границ СССР. Начиная с 1936 года советская разведка фиксировала наращивание ударной мощи Квантунской армии, выдвижение ее частей все ближе к советской границе, активизацию работы 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления японского Генштаба. Все это говорило о том, что японская армия, в которой огромным влиянием пользовались сторонники партии войны, планирует ряд вооруженных столкновений с частями РККА. А после бегства 13 июля 1938 года в Маньчжурию начальника Дальневосточного управления НКВД Генриха Люшкова, передавшего японцам сведения об охране советской государственной границы, командование Квантунской армии решило, что благоприятный момент для нападения настал. 29 июля 1938 года подразделения Квантунской армии вторглись на территорию СССР в районе озера Хасан. Однако благодаря добытой харбинской резидентурой ИНО информации о приведении в боевую готовность японских войск и приведении в действие их системы ПВО нападение у озера Хасан не стало неожиданным для Москвы. В результате уже 9 августа советские войска выбили японцев с территории СССР, а 10 августа была достигнута договоренность о прекращении боевых действий.

Следующий вооруженный конфликт, начавшийся в мае 1939 года в районе Халхин-Гола, также не стал неожиданностью для СССР. Уже в начале 1939 года в ИНО НКВД получили сведения об интенсивных работах на железнодорожной линии Харбин – Цицикар – Хайлар и строительстве железнодорожной ветки Ганьчжур – Солон, что в совокупности с поступившими данными о движении японских воинских эшелонов позволяло сделать вывод о намерении командования Квантунской армии вторгнуться в Монголию, с которой у СССР был заключен договор о взаимопомощи. Ценная информация о Квантунской армии была получена и от китайских партизан в Маньчжурии. Взаимодействие разведотделов управлений НКВД по Приморскому и Хабаровскому краям, пограничных войск, 1-й и 2-й отдельных краснознаменных армий с партизанами было налажено весной, после указания наркома НКВД Л. П. Берии и наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова от 15 апреля 1939 года, в котором говорилось:

«В целях наиболее полного использования китайского партизанского движения в Маньчжурии и его дальнейшего организационного укрепления Военным советам 1-й и 2-й ОКА разрешается в случаях обращения руководства китайских партизанских отрядов оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами иностранного происхождения или в обезличенном виде, а также руководить их работой.

Из числа интернированных партизан – проверенных людей – небольшими группами перебрасывать обратно в Маньчжурию в разведывательных целях и [в целях] оказания помощи партизанскому движению...

Начальникам УНКВД Хабаровского и Приморского краев и Читинской области предлагается оказывать Военным советам полное содействие в проводимой работе, в частности в проверке и отборе из числа переходящих со стороны Маньчжурии и интернированных партизан и передаче их Военным советам для использования в разведывательных целях и переброски их обратно в Маньчжурию»⁷⁴

⁷⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. М., 1995. Т. 1. Накануне. Кн. 1. С. 36–37.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.